

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

№ 22 / 2016

Журнал издается совместно с Московским государственным юридическим университетом имени О.Е. Кулафина (МГЮА)

НАУЧНО-ПРАВОВОЕ ИЗДАНИЕ. Федеральная служба по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Рег. ПИ № ФС77-30776 от 25 декабря 2007 г. Издается с 1998 г., выходит 2 раза в месяц

Главный редактор:

Исаев И.А., д.ю.н., профессор

Редакционный совет:

Аронов Д.В., д.и.н., профессор;

Бабич И.Л., д.и.н.;

Мельников С.А., д.ю.н.;

Мигущенко О.Н., д.ю.н., профессор;

Нигматуллин Р.В., д.ю.н., профессор;

Покровский И.Ф., д.ю.н., профессор;

Рассказов Л.П., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Ромашов Р.А., д.ю.н., профессор;

Сафонов В.Е., д.ю.н., профессор;

Туманова А.С., д.ю.н., д.и.н., профессор;

Хабибулин А.Г., д.ю.н., профессор

Редакционная коллегия:

Бодунова О.Г., к.ю.н., доцент;

Зенин С.С., к.ю.н.;

Клименко А.И., к.ю.н., доцент;

Недобежкин С.В., к.ю.н., доцент;

Сигалов К.Е., д.ю.н., к.ф.н., доцент

Главный редактор

Издательской группы «Юрист»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

Заместители главного редактора

Издательской группы «Юрист»:

Бабкин А.И.,

Белых В.С.,

Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф.,

Трунцевский Ю.В.

Научное редактирование

и корректура:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

Экономика и право: опыт истории

Харченко А.В. Регистрация поместья и вотчины в губернии: некоторые детали применения

Указа от 9 февраля 1710 г..... 3

Копылов А.В. Об эволюции правовой природы фидеикомисса..... 9

Конституционное строительство и кодификация права: история и практика

Ромашов Р.А. Конституция РСФСР 1918 г. и ее место в системе источников советского конституционализма 14

Иванов И.В. Всенародное обсуждение проекта Конституции Союза ССР 1936 г. (по материалам Государственного архива Российской Федерации) 21

Ткаченко С.В. Полномасштабная рецепция права: деструктивное содержание..... 25

Правовая защита общества: историческое многообразие форм

Зяблина М.В. Уголовное судопроизводство и защита прав его участников по Русской Правде 31

Воробьев А.С. Влияние государственной преступности террористического характера на государственно-правовую политику в России в 60-е — 80-е годы XIX века 35

Николаев Н.Ю. «Забытый пацифист»: В.В. Тенишев о войне, третейском суде и вечном мире..... 39

Лобырева Н.С. Деятельность Брянского революционного трибунала в 1918–1922 гг..... 44

Ерин Д.А. Организационные основы деятельности водной милиции РСФСР по обеспечению экономической безопасности страны в период Гражданской войны и иностранной интервенции..... 47

Шобухин В.Ю. Генезис советского законодательства о прокуратуре..... 53

Шкаревский Д.Н. К вопросу о коррупции в Верховном суде СССР в конце 1940-х — начале 1950-х годов 58

Свинин Е.В. О советском опыте и современных проблемах исследования правопорядка 61

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва,

Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Центр редакционной подписки:

(495) 617-18-88 (многоканальный).

Формат 170x252 мм. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1. ISSN 1812-3805.

Физ. печ. л. 5,0. Усл. печ. л. 5,0.

Номер подписан в печать 31.10.2016

Номер вышел в свет 15.12.2016

Тираж 3000 экз. Цена свободная.

Подписной индекс:

Роспечать — 47643;

Каталог российской прессы — 10866;

Объединенный каталог — 85492 (на полуг.).

Также можно подписаться на www.gazety.ru

Отпечатано в типографии

«Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования

(РИНЦ).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук.

Учредитель:
Издательская группа «Юрист».

HISTORY OF STATE AND LAW

№ 22 / 2016

Published in association with O.E. Kutafin Moscow State Law University

RESEARCH AND LAW JOURNAL. The Federal Service for Supervision in the Sphere of Mass Communication, Communications and Protection of Cultural Heritage.

Reg. Pl № ФС77-30776 from December 25, 2007. Published since 1998, 2 times per month

Editor in Chief:

Isaev I.A., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Board:

Aronov D.V., doctor of historical sciences, professor;
Babich I.L., doctor of historical sciences;
Mel'nikov S.A., doctor of juridical sciences;
Migushenko O.N., doctor of juridical sciences, professor;
Nigmatullin R.V., doctor of juridical sciences, professor;
Pokrovskij I.F., doctor of juridical sciences, professor;
Rasskazov L.P., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Romashov R.A., doctor of juridical sciences, professor;
Safonov V.E., doctor of juridical sciences, professor;
Tumanova A.S., doctor of juridical sciences,
doctor of historical sciences, professor;
Khabibulin A.G., doctor of juridical sciences, professor

Editorial Staff:

Bodunova O.G., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Zenin S.S., candidate of juridical sciences;
Klimenko A.I., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Nedobezhkin S.V., candidate of juridical sciences,
assistant professor;
Sigalov K.E., doctor of juridical sciences,
candidate of sciences in philosophy, assistant professor

Editor in Chief of Publishing Group "Jurist":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

Deputy Editors in Chief

of Publishing Group "Jurist":

Babkin A.I.,
Belykh V.S.,
Renov E.N.,
Platonova O.F.,
Truntsevskij Yu.V.

Scientific editing and proofreading:

Shvechkova O.A., candidate of jurisprudence

Tel.: (495) 953-91-08

Authors shall not pay for publication of their articles.

Economics and Law: Historical Experience

Kharchenko A.V. Registration of Estates and Lands in Governments: Several Aspects of Application of the Decree of February 9, 1710..... 3

Kopylov A.V. On the Evolution of the Legal Nature of Fidei-Commissum 9

Constitution Building and Codification of the Law: History and Practice

Romashov R.A. The RSFSR Constitution of 1918 and its Place in the System of Sources of the Soviet Constitutionalism 14

Ivanov I.V. Public Discussion of the Draft Constitution of the USSR of 1936 (Source: the State Archives of the Russian Federation)..... 21

Tkachenko S.V. Full-Scale Reception of Law: Destructive Content 25

Legal Protection of Society: Historical Diversity

Zyablina M.V. Criminal Proceedings and Protection of Rights of Parties thereto under the Russkaya Pravda..... 31

Vorobyov A.S. Influence of a Public Terrorist-Related Criminality on the Public and Legal Policy in Russia in the 60's - 80's of XIX Century 35

Nikolaev N.Yu. "Forgotten Pacifist": Tenishev V.V. on War, Arbitration Court and Everlasting Peace 39

Lobyreva N.S. Activity of the Bryansk Revolutionary Tribunal in 1918-1922 44

Erin D.A. Framework Arrangements for Economic Security Activities of the RSFSR Water Police during the Civil War and Foreign Intervention..... 47

Shobukhin V.Yu. Origin of the Soviet Laws on Prosecution Service 53

Shkarevsky D.N. Revisiting the Corruption in the USSR Supreme Court in the late 1940's – early 1950's..... 58

Svinin E.V. Soviet Experience and Modern Issues of Study of Law and Order 61

Address publishers / editors:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035
E-mail: avtor@lawinfo.ru
Editorial Subscription Centre: (495) 617-18-88
(multichannel).
Size 170x252 mm. Offset printing.
Offset paper № 1. ISSN 1812-3805.
Printer's sheet 5,0.
Conventional printed sheet 5,0.
Passed for printing 31.10.2016
Issue was published 15.12.2016

Circulation 3000 copies. Free market price.

Subscription:

Rospechat — 47643;
Catalogue of the Russian press — 10866;
United Catalogue — 85492 (for 6 months)
and on www.gazety.ru
Printed by "National Polygraphic Group".
Bldg. 2, street Svetlaya, Kaluga, 248031.
Tel.: (4842) 70-03-37.

Journal is included in the database
of the Russian Science Citation Index.

Complete or partial reproduction of materials without
prior written permission of authors or the Editorial
Office shall be prosecuted in accordance with law.

Recommended by the Higher Attestation Commission
of the Ministry of Education and Science of the Russian
Federation for publication of basic results
of candidate and doctor theses.

Founder:
Publishing Group "Jurist".

Регистрация поместья и вотчины в губернии: некоторые детали применения Указа от 9 февраля 1710 г.

*Харченко Александр Владимирович,
специалист Центра социальных и политических исследований «Аспект»
vdosav@yandex.ru*

В статье анализируются некоторые проблемы, связанные с исполнением Указа от 9 февраля 1710 г. о передаче функции по регистрации поместий и вотчин из Поместного приказа в губернии. Среди проблем, освещенных в данной статье, можно выделить проблему решения указанной категории дел в Ярославской провинции, а также пересылки копий (списков) с поземельных дел из Поместного приказа в губернии.

Ключевые слова: Российская империя, губерния, Поместный приказ, Ярославская провинция, регистрация поместья и вотчины, территориальная компетенция.

Registration of Estates and Lands in Governments: Several Aspects of Application of the Decree of February 9, 1710

*Kharchenko Aleksandr V.,
Specialist of the "Aspect" Center for Social and Political Studies*

The article analyzes some problems related to the execution of the decree of February 9, 1710 on the transfer of functions of registration of estates and patrimony of local order in the province. Among the problems highlighted in the article, we can highlight the problem of solving the specified category of affairs in the Yaroslavl province, and forwarding copies of land affairs in the province

Key words: Russian empire, reform, province, Local Department, registration of estates and patrimony, territorial jurisdiction, Yaroslavl province.

В период областной реформы 1708–1710 гг. решение поместных и вотчинных дел передавалось в ведение вновь учрежденных губерний. Петр I Указом от 9 февраля 1710 г. повелевал: «...а за которыми помещики и вотчинники поместья и вотчины в Губерниях, опричь Московской, и тем быть по Губерниям, а в Поместный приказ челобитий не принимать»¹.

Если говорить о функции, которая передавалась губерниям, то речь идет о так называемой справке (регистрации) земельных владений. Большое значение в России в XVI и XVII вв. приобретает, по определению Т.Е. Новицкой, «регистрация сделки в соответствующем государственном учреждении»². Как писал К.П. Победоносцев, «все земли, как поместные, так и вотчинные, переходившие по наследству, по духовным, менам, сдачам и сделочным ак-

там, приобретатель должен был справиться за собой»³.

Таким образом, административно-территориальные границы, установленные для учрежденных губерний, фактически определяли подведомственность городов. Так, к находящейся в ведении Поместного приказа Московской губернии согласно росписи губерний было приписано 39 городов⁴, а остальные города соответственно распределялись по другим губерниям. Всего Поместному приказу было подведомственно около 100 городов, что составляло примерно треть городов Российского государства⁵, остальные города находились в ведении таких центральных административных учреждений, как Разрядный приказ, приказ Казанского дворца и др.⁶

¹ ПСЗ РИ-1. Т. 4. СПб., 1830. № 2251. С. 478.

² Новицкая Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII в. М., 2005. С. 276.

³ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть первая: Вотчинные права. М., 2002. С. 331.

⁴ ПСЗ РИ-1. Т. 4. № 2218. С. 436.

⁵ Исторические сведения о Екатерининской Законодательной Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения // Сборник РИО. Т. 43. СПб., 1885. С. 195.

⁶ Ардашев Н.Н. История Вотчинного архива с XVII в. до 1812 г. // Описание документов и бумаг

В ведении Поместного приказа находились города Центральной России, т.е. находящиеся в относительно близком расположении от Москвы. Города эти в основном располагались в радиусе, не превышающем или немного превышающем 350 верст от Москвы.

В 1710 г. Московская губерния граничила с шестью губерниями: Санкт-Петербургской, Архангелогородской, Казанской, Киевской, Смоленской и Азовской. Города, не вошедшие в состав Московской губернии, распределялись по данным административно-территориальным округам. При этом Санкт-Петербургская и Смоленская губернии, в отличие от остальных, были сформированы в большинстве своем из городов, некогда находившихся в ведении Поместного приказа.

Кажется, текст рассматриваемого указа был лишен двусмысленности и относил решение указанной категории дел к компетенции губернских учреждений. Однако обращает на себя внимание один нюанс, связанный с особенностями административно-территориального деления по Указу от 18 декабря 1708 г.

Е.В. Савко обращал внимание на то, что «губернии разделены были неравномерно: были как большие губернии, так и маленькие». Если Смоленская губерния по территории была сравнительно небольшой (в основном она включала в себя современную Смоленскую и часть Калужской области), то этого нельзя сказать о Санкт-Петербургской губернии, территория которой включала пять современных областей: Ленинградскую, Новгородскую, Псковскую, Тверскую и часть Ярославской⁷.

Если принять во внимание так называемый географический фактор, то особенный интерес представляет Санкт-Петербургская губерния. Причина в географическом расположении Санкт-Петербурга, который по сравнению с некоторыми другими губернскими административными центрами (например, Смоленском) находился в заметном удалении от Москвы, что серьезно затрудняло перенесение решения поместных и вотчинных дел в первую очередь верхне-

волжских городов из Москвы в данный губернский центр.

Фактически с передачей функции по решению поместных и вотчинных дел в Санкт-Петербургскую губернию по упомянутым выше городам возникала ситуация, когда, с одной стороны, одна группа городов (Псков, Великий Новгород, Белозерск и т.д.), оказывалась в выгодном положении, другая же (Ярославль, Тверь, Углич и др.), напротив, оказывалась на периферии данной губернии.

В общем, возникала достаточно парадоксальная ситуация, когда губернский административный центр, в который происходило смещение указанной функции, оказывался в большем удалении, чем прежний центр, т.е. Москва, в которой находился Поместный приказ.

Что касается данной проблемы диспропорциональности отдельных губерний, то ей, кажется, было найдено решение. Так, в некоторых губерниях создаются промежуточные территориальные единицы — оберкомендантские провинции. Причина их образования, по мнению М.М. Богословского, заключалась в возникшей потребности «заполнить громадную пустоту между губернатором и множеством подчиненных ему уездных комендантов»⁸. Как писал ученый, «в провинции складывались города, удаленные от губернского центра»⁹.

Примером такой промежуточной административно-территориальной единицы и являлась образованная в марте 1710 г. Ярославская провинция под руководством оберкоменданта князя Г.И. Волконского, куда вошли города Тверь, Углич, Бежецкий Верх, Кашин, Торжок¹⁰.

Следовательно, возникает закономерный вопрос: не могли ли разрешаться поместные и вотчинные дела по вышеупомянутым городам не в губернском центре, а в некоем «альтернативном» провинциальном административном центре?

В опубликованном собрании «Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате» (далее — ДПС) мож-

Московского архива Министерства Юстиции. Кн. 5. М., 1888. С. 363.

⁷ Савко Е.В. Губернское реформирование Петра I // История государства и права. 2008. № 10. С. 21.

⁸ Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // ЖМНП. 1903. Ч. XXXIX. С. 62.

⁹ Там же. С. 66.

¹⁰ Данченко В.Г. Губернская реформа Петра I на Северо-западе России (Административное управление Санкт-Петербургской губернией) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. С. 11.

но обнаружить интересные документы, где в качестве новой юрисдикции упомянута Ярославская провинция.

Первоначально хотелось бы привести один любопытный исторический факт, также обнаруженный в этом собрании. В 1710 г. 65 подьячих Поместного приказа были «взяты по губерниям» и в «службу». В Санкт-Петербургскую губернию отправлено 15 подьячих: Тимофей Борисов, Гаврило Сущев, Исая Котов, Дмитрий Юматов, Иван Невежин, Яков Семенов, Алексей Власьев, Илья Кропивин, Максим Кузмин, Иван Сизяков. При этом было особо отмечено об отправлении 5 подьячих «той же губернии в Ярославскую провинцию» (Алексей Никитин, Афанасий Черемисов, Яков Мирицкий, Степан Попов и Петр Кузмин)¹¹.

В челобитной, поданной в Канцелярию Правительствующего Сената, человек полковника Невского полка Л.Г. Ильина указывал, что в 1703 г. М.И. Тургеневым были заложены братьям Василию и Андрею Ивановичам Эверлаковым деревни Мельгино, Пасынково и Чебышкино Ярославского уезда, а затем по просрочке они были за ними записаны по закладным и отказаны. Далее из челобитной следовало: «...а после смерти Василья Ивановича по разделу дочери его довелось быть по родству за помещиком его, полковником Михаилом Ивановичем Леонтьевым, а Андреевым Ярославским деревням за ним же, Михаилом, по купчей и продаже жены его, Андреевой вдовы Василисы Ивановны; и в прошлом 710 году кроющийся от службы Федор Никитин Загряжский бил челом ложно и по сказке своей, утая Васильевых дочерей, из Москвы взял с неправой перечневой выписки список поноровкою и по согласию с дьяком Поместного приказа Иваном Лосевым в Ярославль к князю Григорию Волконскому; и князь Григорий по тому неправому списку ходатайством его, Федора Загряжского, без спорного челобитья утайкою и не справясь с указом и ложною его, Федоровою, сказкою пометами вершил не дельно»¹².

Важная деталь из этой челобитной — обжаловалось «неправое вершенье» именно администрации Ярославской провинции, которую возглавлял князь Г.И. Волконский¹³.

Но в Ярославле разрешались поместные и вотчинные дела не только по волостям, входящим в данный уезд. По всей вероятности, Ярославль превращался в административный центр, куда стекались дела по городам, входящим в одноименную провинцию.

Это следует из поданной 21 февраля 1715 г. в Канцелярию Правительствующего Сената челобитной вице-губернатора Василия Ершова: «...и некоторые из них каштаны ябедники, не хотя жить за ним, Ершовым, возмуть простых людей и взяв с них, обольстя, многие на тяжбу деньги, били челом великому государю... и та их челобитная и все дело для рассмотрения и учинения указа отослана в Ярославль и в Ярославле по тому делу учинен указ»¹⁴.

Василий Ершов ходатайствовал: «...в Ярославскую провинцию послать указ, чтоб тех его корел в волости без особого указа не принимать и от безвременного разорения ту его вотчину охранить»¹⁵.

Из материалов ДПС, территориально относящегося к еще одному городу Ярославской провинции — Угличу, в частности, упоминалось: «...и о даче Ивановской жене с дочерьми того поместья на прожитки послан из Поместного приказа в Ярославскую провинцию с дела список»¹⁶.

12 мая 1713 г. Правительствующий Сенат приговорил: «...послать в Суздаль отказную грамоту, а в Ярославскую провинцию с грамотою с подлинного дела список с Поместного приказа»¹⁷. Как видно, в этом приговоре также упоминается Суздаль — город, приписанный к Московской губернии, а следовательно, находящийся в ведении Поместного приказа, куда, заметим, в отличие от Углича, высылались отказная грамота, т.е. готовое решение, а не сопроводительный материал для принятия решения на месте.

Из приговора «О возвращении из Поместного приказа пошлин 75 р. 12 ал. 3 ден. Ивану Нарышкину» от 3 октября 1711 г. можно уточнить информацию не только еще по одному городу, вошедшему в состав Ярославской провинции (Тверь), но и о собирании пошлин с разрешаемых поместных и вотчинных дел на том уровне управления,

¹¹ ДПС. Т. 4. Кн. 1. № 699. С. 575.

¹² Там же. Т. 5. Кн. 2. № 810. С. 634.

¹³ Там же. С. 635.

¹⁴ Там же. Т. 5. Кн. 1. № 307. С. 225.

¹⁵ Там же. С. 225–226.

¹⁶ Там же. Т. 3. Кн. 1. № 320. С. 288.

¹⁷ Там же. С. 289.

куда передавалась указанная категория дел в 1710 г.

Стольником И.И. Нарышкиным в Канцелярию Правительствующего Сената была подана челобитная, из которой следовало, «что вдова Наталья Михайловна Коробина поступила ему за 5000 руб. в Алексинском уезде, в Болховском стане, дер. Немцеву, и в Тверском уезде, в Шельском и в Кушалском стану, половину села Единонова с крестьянами и с пустошами и со всеми угодьями, и что с тех денег в Поместном приказе пошлины взяты сполна, тогда как с тверской деревни таковых брать не следовало, так как Тверь всеми делами ведома в Ярославской провинции». И.И. Нарышкин просил, чтобы уплаченные им пошленные деньги были переведены из Поместного приказа в Ярославскую провинцию. Правительствующий Сенат затребовал из Московской губернии расчета взятых с Нарышкина пошлин по губерниям. Согласно присланной выписке Поместного приказа, «с 5000 руб. взято всего: пошлин 150 руб. и на расходы 25 алт., из числа которых следующие с алексинского поместья с 226 четви, с 19 дворов — 75 руб. и накладных 12 алт. 3 ден. должны быть оставлены в Поместном приказе, а остальные 75 руб. 12 алт. 3 ден. следует выдать для уплаты в Ярославской провинции»¹⁸.

Таким образом, особенности географического расположения ряда городов, вышедших из подведомственности Поместного приказа, а также ряд документов практического характера, проанализированных в данной статье, позволяют говорить, что количество административных центров, в которых разрешалась интересующая категория дел, не было равно количеству губерний, к которым были приписаны города, бывшие некогда в ведении Поместного приказа. Создание промежуточных административно-территориальных единиц, входящих в состав губерний, не могло не отразиться на механизме децентрализации регистрации прав на недвижимые имущества в России в 1710 г.

Примером такого административно-губернского центра, в котором наряду с губернскими центрами разрешалась указанная категория дел, и мог быть Ярославский провинциальный центр. В условиях, когда административный центр губернии, в ведение которого передавалось решение поземельных дел,

оказывался в большем удалении, чем прежний, решение поместных и вотчинных дел в данном буферном административно-территориальном образовании представляло собой некую форму практической реализации предписаний Указа от 9 февраля 1710 г.

Не менее интересной является проблема пересылки копий с поземельных дел из Поместного приказа в губернии.

В Указе от 9 февраля 1710 г. также предписывалось: «А с дел, с столбцов и книг в губернии списки списывать в Поместном приказе, и для того списывания Губернаторам прислать от себя дьяков и подьячих, а с ними в прибавку быть подьячим же, которые у которых городов в Поместном приказе сидят»¹⁹.

Вопрос о пересылке необходимой документации из Поместного приказа в губернии может быть проиллюстрирован на примере оформления земельных владений, расположенных на территории Смоленской губернии после издания Указа от 9 февраля 1710 г. Данные материалы содержатся в опубликованном собрании «Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате».

Речь идет о справке вотчины и поместья 440 четей с «людьми, крестьянами и всеми угодьями» в Площецком, Богоявленском и Удеревском станах Одоевского уезда и в Городском стане Новосильского уезда. Примечательно, что Одоев находился примерно в таком же удалении от Москвы, что и Крапивна (200 верст). Однако в отличие от последнего города, вошедшего в состав Московской губернии, по Указу от 18 декабря 1708 г. Одоев был приписан к Смоленской губернии. Указ о решении поместных и вотчинных дел в губерниях 1710 г. неизбежно отразился на изменении юрисдикции данного города²⁰.

20 февраля 1711 г. капитан Михаил Самойлович Колупаев направил Великому Государю челобитную, в которой просил о справке вышеупомянутых земельных владений учинить указ. При этом отмечалось: «...вышепомянутые города, по государеву указу ведомы в других губерниях; а вышепомянутых дачах деда и дяди его ведение в Поместном приказе; и чтоб из дач и отказных книг деда и дяди его о вотчинах и из госу-

¹⁸ Там же. Т. 1. № 353. С. 258.

¹⁹ ПСЗ РИ-1. Т. 4. № 2251. С. 478.

²⁰ ДПС. Т. 5. Кн. 2. № 1347. С. 1193–1218.

даревых указов в Поместном приказе выписать, а выписав с сим его челобитьем послать в Смоленскую губернию»²¹.

20 марта 1711 г. в отписке Смоленского губернатора П.С. Салтыкова дьякам Поместного приказа, в частности, было написано, что «в Смоленске вотчинам и поместьям Алексея Колупаева дач нет, отдачи челобитчику учинить не по чему». Поэтому необходимо было переслать списки с дел из Поместного приказа в Смоленск²². В отписке в Поместный приказ губернатора П.С. Салтыкова от 6 мая и челобитной капитана М.С. Колупаева от 14 мая 1711 г. было отмечено, что необходимой документации в Смоленскую губернию так и не было выслано²³. 29 мая 1711 г. дьяки Поместного приказа, «слушав сего дела, приговорили: с сего дела послать в Смоленскую губернию список за дьячьей приписью». 15 июня 1711 г. этот список был послан в губернию²⁴.

Несмотря на то что фактически происходило некое подобие «дублирования» в губерниях всего делопроизводства в отношении вотчин и поместий²⁵, на формальном уровне существовало разграничение компетенции Поместного приказа, которому была подведомственна территория Московской губернии, и других губерний.

Из Поместного приказа высылались «государева грамота и со всего дела список в Смоленскую губернию к ближайшему боярину и губернатору Петру Самойловичу Салтыкову», и было «велено по списку с дела учинить указ по своему рассмотрению»²⁶. То есть, как прямо следует из изучаемого материала, справка земельных владений переходила в ведение губернских властей.

В свою очередь, из приговора «По челобитью подьячего Воинова о выкупе родовых его вотчин» от 31 октября 1715 г. можно почерпнуть некоторые сведения по Вяземскому уезду. В этом документе упоминается о пересылке поземельной документации в 1711 г. из Поместного приказа в Смоленскую губернию, в юрисдикции которой находился данный уезд. Как следует из сенатского приговора: «...и по той между ними учиненной

делке довелось послать для отказа со всего подлинного дела при грамоте в Смоленскую губернию список...»²⁷

Аналогичные сведения можно найти по Серпейскому уезду, который был приписан к Смоленской губернии. Однако, как и упомянутый выше Одоев и Вязьма, этот город (уезд) не теряет связь с Поместным приказом, из которого высылались в Смоленск губернатору П.С. Салтыкову список с дела²⁸.

В то же время на основании приведенных выше дел можно констатировать, что фактически предписание Указа от 9 февраля 1710 г. о пересылке копий (списков) с поземельных дел из Поместного приказа в губернии выполнялось в зависимости от поступающих запросов.

Указ от 9 февраля 1710 г. отразился и на городах, расписанных по другим губерниям. В частности, речь может идти о городах Курске и Рильске, приписанных к Киевской губернии, и Шацке, приписанном к Азовской губернии.

Если справки земельных владений в Рильском уезде были произведены по приговору думного дьяка Поместного приказа Автонома Ивановача Иванова с товарищами в 1703 г.²⁹, а также 1706 и 1709 гг.³⁰, то уже после издания рассматриваемого указа меняются функции Поместного приказа.

Так, «в 711 году октября 30, по приговору Московской губернии управителя обер-комисара Василья Ершова с товарищи, велено по допросу и по записям Рильских и Курских помещиков о справке и межевании земель в Рильском да в Курском уездах 795 четвертей по челобитью генерала-пленипотенциара-кригс-комиссара князя Якова Федоровича Долгорукова послать с дела список с грамотою в Киевскую губернию»³¹.

Из приговора № 606 «О продаже Нижегородских поместий и вотчин гг. Жедринских за доимку их в 720 р.» от 18 августа 1713 г. явствует весьма интересная информация по Шацкому уезду. Из прошения князя Одоевского, приведенного в приговоре, следует: «...и те вотчины по крепости их в Поместном приказе записаны и приняты у него пошленные деньги, и список в Азовскую губернию с гра-

²¹ Там же. С. 1195.

²² Там же. С. 1205.

²³ Там же. С. 1206.

²⁴ Там же. С. 1207.

²⁵ Новицкая Т.Е. Указ. соч. С. 119.

²⁶ ДПС. Т. 5. Кн. 2. С. 1193.

²⁷ Там же. № 1159. С. 992.

²⁸ Там же. Т. 3. Кн. 1. № 76. С. 66.

²⁹ Там же. Т. 2. Кн. 1. № 555. С. 454.

³⁰ Там же. С. 455.

³¹ Там же.

мотой послан и в Азовской в провинции ландрихтера Петра Кикина пошлины приняты ж; и та Шацкая вотчина за ним и отказана»³².

Не менее интересной выглядит информация из доношения Поместного приказа, в котором в общем-то подтверждалось, что вотчина была заложена, а затем в связи с неуплатой долга просрочена, но при этом указывались, что для отказа были посланы грамота и список с дела в Азовскую губернию. При этом, как отмечалось в доношении, «та Шацкая вотчина за ним князем Одовским отказана или нет, того в Поместном приказе не ведомо для того, что из губерний в Поместный приказ отказные книги не присылаются»³³.

Стоит отметить, что в случае с Азовской губернией, в отличие от городов Смоленской губернии, фактически справка земельных владений производилась не в номинальном (согласно названию губернии), а в реальном административном центре данной губернии — Тамбове³⁴.

Подводя итоги, следует отметить, что новое административно-территориальное деление Российского государства, проведенное в период губернской реформы 1708 г., не было приспособлено к изменению территориальной компетенции Поместного приказа по указу от 9 февраля 1710 г.

Это обстоятельство, наряду с отсутствием поземельной документации в губерниях по городам, ранее находящихся в ведении Поместного приказа, и могло явиться одной из возможных причин издания 17 марта 1714 г. указа, фактически отменяющего рассматриваемое узаконение и восстанавливающего общероссийский статус Поместного приказа³⁵.

На основании рассмотренных материалов можно сказать, что достаточно четко прослеживалась грань между городами, вошедшими в состав Московской губер-

нии, территорией которой была ограничена юрисдикция Поместного приказа, и городами, расписанным по другим, граничащим с Московской, губерниям. И это проявилось не только на формальном уровне, когда в города Московской губернии высылались отказная грамота, а в остальные города — списки с дела для принятия решения в губернии, но также и в фискальном — сборе пошлин с разрешаемых поместных и вотчинных дел.

Литература

1. Ардашев Н.Н. История Вотчинного архива от XVII в. до 1812 г. // Описание документов и бумаг Московского архива Министерства Юстиции. М.: Типо-литография Высочайше утвержд. Т-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1888. 5 кн. С. 153–398.
2. Богословский М.М. Исследования по истории местного управления при Петре Великом // Журнал Министерства Народного просвещения, 1903. Ч. CCCXXXIX. С. 45–145.
3. Данченко В.Г. Губернская реформа Петра I на Северо-западе России (Административное управление Санкт-Петербургской губернией) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. 15 с.
4. Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого : в 6 т. 1880–1901. СПб. : Типография Императорской Академии наук. Т. 1. 1880. 517 с.; Т. 2. Кн. 1. 1882. 498 с.; Т. 3. Кн. 1. 1887. 467 с. Кн. 2., 1888. 1162 с.; Т. 4. Кн. 1. 1888. 629 с. Т. 5. Кн. 1. 1892. 607 с. Кн. 2. 1897. 912 с.
5. Исторические сведения о Екатерининской Законодательной Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения // Сборник РИО : в 148 т. СПб. : Типография Траншеля, 1885. 43 т. X, 640 с.
6. Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.). Территория и высшая администрация. Ростов н/Д. : Ростиздат, 2009. 257 с.
7. Новицкая Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII в. М. : Зерцало-М, 2005. 568 с.
8. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права. М. : Статут, 2002. 800 с.
9. Полное собрание законов Российской империи : в 45 т. 1-е собр. СПб. : Типография II отделения собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. 4. 892 с.; Т. 5. 783 с.
10. Савко Е.В. Губернское реформирование Петра I // История государства и права. 2008. № 10. С. 21–22.

³² Там же. Т. 3. Кн. 2. № 606. С. 611.

³³ Там же. С. 611–612.

³⁴ Комолов Н.А. Азовская губерния (1709–1725 гг.). Территория и высшая администрация. Ростов-на-Дону, 2009. С. 39–42.

³⁵ ПСЗ РИ-1. Т. 5. № 2788. С. 90–91.

Об эволюции правовой природы фидеикомисса

*Копылов Александр Владимирович,
доцент кафедры гражданского права
Московского государственного университета (МГУ)
имени М.В. Ломоносова,
кандидат юридических наук, доцент
AVKopyloff@gmail.com*

В статье анализируется история развития института фидеикомисса в римском праве: в период республики, в период империи и в законодательстве императора Юстиниана. В рамках исследования автором впервые используются фрагменты одного из важнейших римских юридических памятников — Кодекса Юстиниана, ранее не публиковавшиеся на русском языке. В процессе развития фидеикомисса происходит его сближение с другим видом отказа наследодателя — легатом. Автор приходит к выводу о том, что в римской юриспруденции, с одной стороны, произошло практически полное слияние сингулярного фидеикомисса с легатом, а с другой — сформировался особый вид отказа — универсальный фидеикомисс, сохранивший свою самостоятельность в наследственном праве Древнего Рима.

Ключевые слова: легат, сингулярный фидеикомисс, универсальный фидеикомисс, личный иск, вещный иск.

On the Evolution of the Legal Nature of Fidei-Commissum

*Kopylov Aleksandr V,
Assistant Professor of the Department of Civil Law
of the Lomonosov Moscow State University (MSU),
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article analyzes the development of fideicommissum in the Roman law: in the period of the Republic, during the Empire and Justinian law. The study author firstly uses fragments of one of the most important monuments of Roman law — Justinian Code that have not been published in Russian before. In the development of fideicommissum is its convergence with other kind of failure of the testator — legate. The author concludes that in Roman jurisprudence singular fideicommissum almost completely merged with the legate. On the other hand, there was a special type of failure — universal fideicommissum that retained their independence in the law of ancient Rome.

Key words: legate, singular fideicommissum, universal fideicommissum, personal action, real action.

Фидеикомисс получает распространение в Древнем Риме во второй половине периода республики. Первоначально он заключался в просьбе или пожелании наследодателя, адресованной наследнику или легатария, безвозмездно предоставить определенное имущество другому лицу. Наследодатель, выразивший такое пожелание (как и в случае с завещательным отказом), назывался отказодателем. Наследник или легатарий, обремененный такой просьбой, именовался фидуциарием (*fiduciarius*), а третье лицо, которому причиталось имущество, — фидеикомиссарием (*fideicommissarius*).

В своем первоначальном виде фидеикомисс характеризовался следующими признаками:

Во-первых, фидеикомисс выражался в просьбе или пожелании наследодателя, адресованной наследнику или легатария.

При этом, как правило, использовались слова *rogo* — «прошу» или *fideicommitto* — «доверяю» (Gai. 2.249; Ulp. 25.2)¹. Пожелания отказодателя могли быть выражены в произвольной форме не только на латинском, но и на греческом языке (Gai. 2.281; Ulp. 25.9)².

Во-вторых, фидеикомисс совершался весьма разнообразными способами:

а) в устной форме (*fideicommissum orale*). Если возникал спор по поводу факта совер-

¹ Гай. Институции / пер. с лат. Ф.М. Дыдынского ; под ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. М., 1997. С. 160–161 ; Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / пер. с лат. Е.М. Штаерман ; отв. ред. и сост. Л.Л. Кофанов (Серия «Памятники римского права»). М., 1998. С. 216–217.

² Гай. Институции. С. 170–171 ; Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана. С. 216–217.

шения такого отказа, он мог быть подтвержден присягой заинтересованного лица — фидеикомиссария (Inst. 2.23.12)³;

б) в форме кодицилла. *Codicillus* — это простое письмо наследодателя, которое могло быть адресовано как наследникам по закону (*codicillus ab intestato*), так и по завещанию (*codicillus ad testamentum*). Завещательные кодициллы, в свою очередь, подразделялись на подтвержденные в завещании (*codicilli confirmati*) и неподтвержденные (*codicilli non confirmati*). В первом случае наследодатель специально указывал в завещании, что имеет законную силу все, что он определяет в кодициллах, а во втором случае такая оговорка в *testamentum* отсутствовала (Gai. 2.270a). При этом юридическая сила как подтвержденного, так и неподтвержденного кодицилла зависела от действительности завещания в целом;

в) в тексте самого завещания с помощью так называемой кодицильной оговорки (*clausula codicillaris*), согласно которой в случае недействительности документа, составленного как завещание, он сохранял силу уже в качестве кодицилла, адресованного *heredes legitimi* (D. 29.1.3)⁴. При этом содержащиеся в таком документе распоряжения считались фидеикомиссами (D. 31.88.17)⁵;

г) в форме конклюдентных действий. Например, с помощью кивка головы (*nutus*) или иного знака⁶.

В-третьих, распоряжение в форме фидеикомисса могло быть адресовано любым наследникам (как по завещанию, так и по закону), легатариям, а также иным лицам, получавшим какую-либо выгоду в случае смерти наследодателя (Gai. 2.270; 2.271).

В-четвертых, отказополучателями по фидеикомиссу могли назначаться любые лица, в том числе как вообще не имевшие способности быть назначенными в завещании (Gai. 2.274; 2.285; 2.287), так и лишен-

ные только возможности принимать наследство — *capacitas* (Gai. 2.275; 2.286; 2.286a⁷; D. 29.1.41. § 1⁸).

В-пятых, объектом фидеикомисса могло быть любое имущество: как входившее в состав наследственной массы, так и принадлежавшее самим наследникам, легатариям или вообще посторонним лицам (Inst. 2.24.1)⁹.

В-шестых, на фидеикомиссы не распространялось действие законов, ограничивавших предельный размер завещательного отказа (*lex Furia, lex Voconia u lex Falcidia*), поэтому с помощью *fideicommissum* можно было отказать все наследственное имущество в пользу третьих лиц.

В-седьмых, реализация права на получение имущества, являвшегося предметом фидеикомисса, не обеспечивалась юридической защитой со стороны фидеикомиссария. Исполнение просьбы наследодателя являлось только нравственным долгом, лежавшем на фидуциарии и зависевшем исключительно от верности данного им слова (*fides*).

С развитием имущественного оборота и римской юриспруденции в целом институт фидеикомисса подвергается серьезным изменениям в правовом регулировании.

Прежде всего в эпоху принципата при императоре Августе (конец I в. до н.э. — начало I в. н.э.) у фидеикомисса появляется юридическая защита (Inst. 2.25.pr)¹⁰.

Дальнейшее развитие института фидеикомисса в Древнем Риме связано с его делением на сингулярный (*singularis*) и универсальный (*hereditatis*). *Fideicommissum singularis* предполагал передачу отказополучателю только отдельных вещей или имущественных прав из наследства, предметом *fideicommissum hereditatis* являлась вся наследственная масса или доля в ней. Однако и в первом, и во втором случае все права и обязанности, связанные с *hereditas*, по общему правилу сохранялись на фидуциарном наследнике, который продолжал отвечать по долгам наследодателя. Учитывая это обстоятельство, в рамках универсального фидеикомисса получили распространение взаимные стипуляции наследника и отказополучателя, в силу которых *heres* брал на себя обязатель-

³ Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расслера; под. ред. Л.Л. Кофанова, В.А. Томсинова (Серия «Памятники римского права»). М., 1998. С. 188–189.

⁴ Дигесты Юстиниана: пер. с лат. / под ред. Л.Л. Кофанова. Т. V. Полумом I. С. 196–197.

⁵ Там же. С. 510–511.

⁶ Барон Юлиус. Система римского гражданского права: в 6 кн. СПб., 2005. С. 1026; Марецолль Теодор. Учебник римского гражданского права. М., 1867. С. 444.

⁷ Гай. Институции. С. 168–173.

⁸ Дигесты Юстиниана. С. 220–221.

⁹ Институции Юстиниана. С. 190–191.

¹⁰ Там же. С. 192–193.

ство передать соответствующее имущество, а также иски, вытекающие из наследства, фидеикомиссарию, а получатель отказа в свою очередь обещал возместить ему расходы, связанные с расчетами по долгам наследодателя¹¹.

В связи с этим в 56 г. н.э. при императоре Нероне издается *Senatusconsultum Trebellianum*, в силу которого переход прав и обязанностей от наследника к *fideicommissarius* стал происходить *автоматически* без необходимости использования *stipulationes* (D. 36.1.1. § 2)¹². Таким образом, с этого момента фидуциарий продолжал сохранять только звание наследника, фактически играя роль исполнителя завещательной воли (душеприказчика), а статус действительного наследника перешел к фидеикомиссарию.

В 75 г. н.э. в период правления императора Веспасиана принимается Пегасов сенатусконсульт (*Senatusconsultum Pegasianum*), содержащий в себе три важнейших положения относительно фидеикомиссов:

— во-первых, наследник по завещанию, обремененный таким отказом, приобретал право на Фальцидиеву четверть в случае добровольного принятия наследства. При этом долги, лежавшие на наследственной массе, оставались на нем в полном объеме (Gai. 2.254; Inst. 2.23.5)¹³.

Впоследствии по рескрипту императора Антонина Пия (середина II в. н.э.) правило о *quarta Falcidia* было перенесено и на наследников по закону (D. 35.2.18.pr)¹⁴;

— во-вторых, фидеикомиссарий в свою очередь получил преторскую защиту, с помощью которой он мог заставить наследника принять наследство. Причем *heres*, уклонявшийся от совершения такой сделки, лишался права на Фальцидиеву четверть (Gai. 2.258; Inst. 2.23.6);

— в-третьих, на фидеикомисс было распространено действие *Lex Iulia et Pappia Poppraea* (9 г. н.э.), запрещавшего завещать и совершать отказы в форме легатов в пользу безбрачных и бездетных лиц (Gai. 2.286a).

Следует заметить, что первое и третье положения анализируемого постановления Сената безусловно свидетельствуют о сближении в правовом регулировании легатов и фидеикомиссов.

Затем, уже при императоре Адриане (II век н.э.), издается еще одно постановление Сената, запрещавшее оставлять фидеикомиссы в пользу некоторых субъектов, не имевших *testamenti factio passiva*: иностранцев, неизвестных лиц и постумов (Gai. 2.285; 2.287).

С другой стороны, имел место и обратный процесс, когда отдельные нормы о самих фидеикомиссах распространялись в отношении легатов. Так, в 339 г. н.э. была принята конституция императора Константина, которая (по аналогии с фидеикомиссами) позволила больше не применять сложных словесных формул при совершении легатов (C. 6.37.21)¹⁵: “In legatis vel fideicommissis verborum necessaria non sit observantia, ita ut nihil prorsus intersit, quis talem voluntatem verborum casus exceperit aut quis loquendi usus effuderit” — «При легатах или фидеикомиссах пусть не будет необходимого соблюдения словесных формальностей, так чтобы не было совершенно никакой разницы, в каких выражениях запишет или какими фразами устно объявит кто-либо такое завещательное распоряжение» (пер. с лат. автора).

Кроме того, в 439 г. н.э. издается конституция императора Феодосия и императора Валентиниана, разрешившая составлять завещательные распоряжения на греческом языке (C. 6.23.21. § 6)¹⁶: “Illud etiam huic legi perspeximus inserendum, ut etiam Graece omnibus liceat testari” — «Мы к тому же подумали о включении в этот закон того, чтобы позволить всем составлять завещания [а значит и легаты. — Авт.] также и по-гречески» (пер. с лат. автора).

Вместе с тем отдельные нормы о частных завещаниях, наоборот, распространили на кодициалы, содержащие фидеикомиссы. В связи с этим для действительности таких кодициалов первоначально стало необходимым присутствие семи свидетелей. При императоре Феодосии (424 г. н.э.) число свидетелей, требуемое для совершения кодицилла, уменьшилось до пяти

¹¹ Митюков К.А. Курс римского права. Киев, 1912. С. 344.

¹² Дигесты Юстиниана. Том V. Полутом 2. М., 2004. С. 444–445.

¹³ Институции Юстиниана. С. 182–183.

¹⁴ Дигесты Юстиниана. Том V. Полутом 2. С. 368–369.

¹⁵ Corpus Iuris Civilis. Vol. Secundum. Codex Iustinianus / Ed. by P. Krueger. Berolini, 1892. P. 269.

¹⁶ Ibid. P. 255.

(С. 6.36.8. § 3)¹⁷: “In omni autem ultima voluntate excepto testamento quinque testes vel rogati vel qui fortuito venerint in uno eodemque tempore debent adhiberi, sive in scriptis sive in sine scriptis voluntas conficiatur..” — «При всяком изъявлении последней воли, исключая завещание, в письменных ли актах или без составления письменных актов, должны призываться пять свидетелей: либо приглашенные, либо те, которые придут случайно в одно и то же время...» (пер. с лат. автора).

Кроме того, в 529 г. н.э. принимает-ся конституция императора Юстиниана (С. 6.43.1)¹⁸, которая унифицировала правовое положение фидеикомиссария с легатарием в части защиты их прав, установив ряд важных положений.

Во-первых, теперь любой отказополучатель имеет как личный (*actio ex testamento*), так и вещный (*actio vindicatio*) иски для защиты (С. 6.43.1. § 1): “Rectius igitur esse censemus in rem quidem missionem penitus aboleri, omnibus vero tam legatariis quam fideicommissariis unam naturam imponere et non solum personalem actionem praestare, sed etiam in rem, quatenus eis liceat easdem res, vel per quodcumque genus legati vel per fideicommissum fuerint derelictae, vindicare in rem actione instituenda...” — «Поэтому мы считаем более правильным совершенно упразднить именно ввод во владение имуществом, но всех, как легатариев, так и фидеикомиссариев, поставить в одно положение и предоставить им не только личный иск, но и вещный, чтобы позволить им то же имущество, оставленное посредством какого бы то ни было вида легата или посредством фидеикомисса, виндигировать путем предъявления вещного иска...» (пер. с лат. автора).

Во-вторых, обязательственные права легатария и фидеикомиссария в отношении исполнителя отказа обеспечивались законной ипотекой на все наследственное имущество. А в качестве залогодержателей они могли воспользоваться ипотечным иском — *actio hypothecaria*, относящимся к категории вещных исков (С. 6.43.1. § 5): “In omnibus autem huiusmodi casibus in tantum et hypothecaria unumquemque conveniri volumus, in quantum personalis actio adversus eum competit, et hypothecariam esse non ipsius heredis vel alterius personae quae gravata est fideicommissio

rerum, sed tantummodo earum, quae a testatore ad eum pervenerint” — «Но мы желаем, чтобы во всех такого рода случаях ипотечный иск предъявлялся каждому в том размере, в котором к нему предъявляется требование по личному иску, а ипотеке подлежало не принадлежащее самому наследнику или другому лицу, обремененному фидеикомиссом, имущество, но только то, которое перешло к нему от завещателя» (пер. с лат. автора).

Наконец, другая конституция императора Юстиниана (С. 6.43.2)¹⁹, изданная в 531 г. н.э., провозгласила практически полное слияние легатов и фидеикомиссов: “...ex omni parte verborum non inefficax voluntas secundum verba legantis vel fideicommitentis et omnia, quae naturaliter insunt legatis, ea et fideicommissis inhaerere intellegantur et e contrario, quidquid fideicommittitur, hoc intellegatur esse legatum, et si quid tale est, quod non habet natura legatorum, hoc ei ex fideicommissis accommodetur, et sit omnibus perfectus eventus, ex omnibus nascantur in rem actiones, ex omnibus hypothecariae, ex omnibus personales” (С. 6.43.2. § 1) — «...пусть при всякого рода словах завещательное распоряжение на основании слов отказывающего или назначающего фидеикомисс не будет недействительным, и все то, что в соответствии с их природой содержится в легатах, пусть это самое считается находящимся в фидеикомиссах, и напротив, что бы ни назначалось посредством фидеикомисса, пусть это считается легатом, и если есть что-либо такое, чего природа легатов в себе не имеет, пусть это будет отнесено к тому, что сообразно с фидеикомиссами, и пусть при всем [этом] результат будет полным, и пусть из всего возникают иски вещные, из всего — ипотечные, из всего — личные» (пер. с лат. автора).

Однако императорский закон содержал в себе важную оговорку, согласно которой признак, несовместимый с правовой природой одновременно и легата, и фидеикомисса, будет действовать только в отношении последнего (С. 6.43.2. § 2): “Ubi autem aliquid contrarium in legatis et fideicommissis eveniat, hoc fideicommissio quasi humaniori adgregetur et secundum eius dirimatur naturam” — «Где же в легатах и фидеикомиссах встретится что-либо противное им, то пусть это будет причислено к фидеикомиссу, так сказать, бо-

¹⁷ Ibid. P. 269.

¹⁸ Ibid. P. 274.

¹⁹ Ibid.

лее гуманному, и решено соответственно его природе» (пер. с лат. автора).

В связи с этим вопрос о полном слиянии этих правовых институтов в римском частном праве, на наш взгляд, по-прежнему остается открытым. Большинство романистов²⁰ полагают, что это имело место, ссылаясь на известный фрагмент из Дигест Юстиниана: “Per omnia exaequata sunt legata fideicommissis” (D. 30.1)²¹, приписываемый известному римскому юристу Ульпиану. И лишь некоторые авторы²² справедливо подвергают данное утверждение сомнению, ссылаясь на невозможность применения отдельных положений о фидеикомиссах к легатам. Дело в том, что универсальный фидеикомисс был основан на принципе перехода к отказополучателю не только прав, но и обязанностей, входящих в состав наследства, а в рамках легата это было невозможно. Поэтому вывод о полном совпадении этих двух видов отказов наследодателя представляется справедливым только в отношении легата и *сингулярного* фидеикомисса.

Таким образом, можно утверждать, что в истории римской юриспруденции, с одной

стороны, произошло практически полное слияние легата с *fideicommissum singularis*, а с другой стороны, сформировался особый правовой институт — *fideicommissum hereditatis*, сохранивший свою самостоятельность в силу принципа универсального правопреемства.

Литература

1. Барон Юлиус. Система римского гражданского права : в 6 кн. СПб., 2005.
2. Гай. Институции / пер. с лат. Ф.М. Дыдынского ; под ред. В.А. Савельева, Л.А. Кофанова. М., 1997.
3. Дернбург Генрих. Пандекты. Т. III. Кн. 5. Наследственное право. СПб., 1911.
4. Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л.А. Кофанов. Т. V. Полутом 1. М., 2004.
5. Дигесты Юстиниана : пер. с лат. / отв. ред. Л.А. Кофанов. Т. V. Полутом 2. М., 2004.
6. Ефимов В.В. Догма римского права. СПб., 1901.
7. Институции Юстиниана / пер. с лат. Д. Расснера ; под ред. Л.А. Кофанова, В.А. Томсинова (Серия «Памятники римского права»). М., 1998.
8. Марецолль Теодор. Учебник римского гражданского права. М., 1867.
9. Митюков К.А. Курс римского права. Киев, 1912.
10. Покровский И.А. История римского права (Серия «Классика российской цивилистики»). М., 2004.
11. Сальковский К. Институции. Основы системы и истории римского гражданского права. Киев, 1910.
12. Чиларж К. Учебник институций римского права. М., 1906.
13. Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / пер. с лат. Е.М. Штаерман ; отв. ред. и сост. Л.А. Кофанов (Серия «Памятники римского права»). М., 1998.
14. Corpus Iuris Civilis. Vol. Secundum. Codex Iustinianus / Ed. by P. Krueger. Berolini, 1892.

²⁰ См., напр.: Дернбург Генрих. Пандекты. Том III. Кн. 5. Наследственное право. С. 157 ; Ефимов В.В. Догма римского права. СПб., 1901. С. 627 ; Сальковский К. Институции. Основы системы и истории римского гражданского права. Киев, 1910. С. 518–519 ; Чиларж К. Учебник институций римского права. М., 1906. С. 421.

²¹ «Легаты во всем приравнены к фидеикомиссам». См.: Дигесты Юстиниана. Т. V. Полутом 1. С. 334–335.

²² Марецолль Теодор. Учебник римского гражданского права. С. 446–447.

Конституция РСФСР 1918 г. и ее место в системе источников советского конституционализма

*Ромашов Роман Анатольевич,
начальник управления по работе с персоналом ООО «Газпром межрегионгаз»,
профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности
Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор
kaf_tgp@mail.ru*

Рассмотрение первой российской (советской) Конституции 1918 г. осуществляется в контексте становления и развития национального российского конституционализма, представляющего собой социально-правовой комплекс, объединяющий западные правовые ценности и национальные культурные традиции. В рамках советского конституционализма предлагается выделять и рассматривать в качестве относительно самостоятельного явления революционный конституционализм, представляющий переходный этап отечественной конституционной истории. Проводится структурно-содержательный анализ Конституции РСФСР 1918 г. показывается ее роль и значение в механизме советского государственно-правового строительства.

Ключевые слова: русский народ, русское государство, Российская империя, Советская Россия, национальная традиция, правовая культура, конституция, конституционализм, Декларация прав трудящегося и угнетенного народа, федеративное устройство, республиканская форма правления.

The RSFSR Constitution of 1918 and its Place in the System of Sources of the Soviet Constitutionalism

*Romashov Roman A.,
Head of the Human Resources Department
of Gazprom Mezhrefiongaz, LLC, Professor of the Department
of Legal Theory and Law Enforcement of the St. Petersburg
University of Humanities and Social Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation*

The first Russian (Soviet) Constitution of 1918 is reviewed in the context of formation and development of the Russian constitutionalism, which is a socio-legal combination of Western legal values and national cultural traditions. As part of the Soviet constitutionalism, the article proposes to separate revolutionary constitutionalism and review it as a relatively independent phenomenon, which is a transitional stage of the domestic constitutional history. The author makes structural and content analysis of the RSFSR Constitution of 1918, indicates its role in, and importance for, the mechanism of the Soviet state and legal construction.

Key words: Russians, Russian state, the Russian Empire, the Soviets, national tradition, legal culture, constitution, constitutionalism, declaration of rights of the working and oppressed people, federal structure, republican form of government.

1. Россия, русский народ и российское государство

Прежде чем перейти к рассмотрению сущностных аспектов первой российской конституции, следует ответить на вопрос о том, как соотносятся общее наименование «Россия» с названием и структурным устройством российского государства. Иными словами, насколько правомерно называть Россией Киевское и Московское кня-

жества, Российскую империю, СССР. Как говорится, «бумага все стерпит». Поэтому я не собираюсь ни оспаривать, ни критиковать позиции ученых и политиков, в рамках которых утверждается 1000-летняя история государства Российского с включением в нее как вышеназванных, так и других политико-правовых образований. Вместе с тем нельзя забывать о том, что Киев — это столица суверенной Украины, государства, ко-

торое точно так же, как современная Россия, получило собственную государственность в 1992 г. и в котором национальные историки-патриоты пишут собственную 1000-летнюю историю, с теми же исходными данными¹. Нельзя отрицать наличие и значимость в исторической ретроспективе Великого княжества Литовского и Русского, на определенном этапе успешно конкурировавшего с Москвией и не менее активно осуществлявшего «собрание земель русских». Точно так же как после 1917 г. сосуществовали и боролись за монопольное право представлять «новую Россию» два политических движения, фактически представлявших две России — революционную и контрреволюционную. При этом каждое из движений заявляло о своем исключительном праве действовать от имени России «единой и неделимой».

Так что же такое Россия? Как соотносятся Россия, русский народ и российское государство?

Прежде всего, следует отделить Россию — государство, от Руси, земли русской и русского народа — носителя Православия. В историко-правовом аспекте российское (не новгородское, киевское, рязанское, московское, а именно российское) государство, возникает в эпоху царствования Ивана III, взявшего титул Царя всея Руси (Иван IV Грозный уже короновался этим титулом). При этом никогда в российском государстве русский народ не имел своей выделенной административно-территориальной автономии. Русскими за ее пределами называли и называют всех жителей России, независимо от их национальной принадлежности. Вместе с тем представители отличных от русских национальных групп в большинстве своем не стремятся к ассимиляции с русским народом и, как показывает история, воспринимают СВОЮ культуру, язык и территорию как часть России, но отнюдь не неотъемле-

мую. Тот факт, что на определенном этапе в состав России входили Польша, Финляндия, Закавказские и среднеазиатские государственные образования, не означает, что поляки, финны, жители Закавказья и Средней Азии стали русскими по национальному духу и характеру (ментальности).

Вопрос о разграничении «русской и иноземной России» был юридически решен только в Империи, и только в отношении социальной стратификации населения. «Российская империя представляла собой государство, в котором сосуществовали и в целом мирно соуживались «русские» и «иностранцы». При этом важно подчеркнуть, что национальный вопрос в его современном понимании в Империи не стоял. Отношение к русским/иностранцам определялось не столько фактом принадлежности к той или иной национально-языковой группе, сколько вероисповеданием. Русский в Российской империи — это носитель православной веры»². Русская нация представляла социальную основу Империи и включала в себя великороссов (собственно русских), малороссов (украинцев), белоруссов (белорусов). Нельзя забывать и о том, что этот национальный союз в своем государственном единстве сложился не ранее XV в., а современное его состояние, к сожалению, не позволяет говорить о существовании неизменной традиции «единства русского народа».

Если рассматривать административно-территориальное устройство российского государства, то следует констатировать, что Российская империя представляла собой специфическую форму административно-территориального устройства, которая не может быть сведена ни к унитарному, ни к федеративному государству, в современном его понимании. «С одной стороны, основной административной единицей всей Империи, независимо от национально-культурного структурирования ее населения, являлись губернии и области, формировавшиеся по политико-территориальному принципу и не обладавшие сколько-нибудь значительной автономией и самостоятельностью, что позволяет говорить о России «единой и неделимой». С другой стороны, в состав Империи

¹ При этом, когда в российской пропагандистской прессе высказывается уничижительная критика современных украинских мифов о древних укр., почему-то забываются собственные мифы о не менее древних русичах. При этом ни те, ни другие мифологемы на какие бы то ни было достоверные артефакты не опираются и являются в основном своим сугубо умозрительными конструкциями, исходящими не из стремления к реальной исторической реконструкции, а из желания «угодить» нынешним властью имущим в их стремлении показать собственную основательность и историческую преемственность.

² Ромашов Р.А. Национальная культура как контекст государственно-правового развития России // История государства и права. 2015. № 12. С. 5.

входили: Европейская Россия, Привисленский край (Царство Польское), Великое княжество Финляндское, Кавказский край, Сибирь, Степные и Среднеазиатские области. Перечисленные территориальные образования обладали различной степенью автономности и национально-правовой идентичности (так, к примеру, в Финляндии и Польше действовали национальные конституции). Анализируя территориальное устройство Российской империи, можно говорить о центральных и окраинных регионах, но ни в коем случае о метрополии и колониальных владениях³. «Россия никогда не была «колониальной державой» в общепринятом смысле и тем качественно отличалась от западноевропейских империй. У нее никогда не было метрополии как таковой: исторический центр был, а метрополии не было. Российская территориальная экспансия носила главным образом стратегический характер, диктовалась потребностями военной и государственной безопасности»⁴. Европейская Россия, являясь частью территории Российской империи, не обладала каким-то особенным административно-правовым статусом, выполняя неофициальную функцию культурно-исторического центра державы.

2. К вопросу о первой российской конституции

Как правило, говоря о первой российской конституции, называют Основные государственные законы Российской империи (1906 г.)⁵. Однако, на мой взгляд, этот документ, безусловно представляя собой конституционный акт, все же не может быть назван собственно первой российской конституцией. Как уже отмечалось ранее, в состав Империи входили Финляндия и Польша, уже имевшие свои национальные конституции. Естественно, ни у кого не возникает мысли считать эти акты российскими конституциями, несмотря на то что они действовали в

государственных образованиях, входивших в состав «единой, неделимой России».

Выскажу крамольную мысль: Россия как организованное единство русских людей, являющихся носителями, хранителями и продолжателями русской православной культуры, и российское государство, социальной основой которого в настоящий момент является многонациональный народ Российской Федерации, явления не тождественные. Если с этим согласиться, то следует также признать, что на различных исторических этапах в административно-территориальную структуру российского государства входили и входят инациональные образования, не стремящиеся к ассимиляции с русским народом и связанные с ним отнюдь не неразрывными связями. Полагаю, что весь ход национальной русской истории, являющейся важнейшей, но все же лишь частью истории российской государственности, является наглядным тому подтверждением. Что следует из сказанного? А то, что Основные законы Российской империи могут рассматриваться как первая (и последняя) имперская конституция, которая, распространяя свое действие на всю территорию и все население страны, вместе с тем не должна рассматриваться одновременно как Конституция Финляндии, Польши, Сибири, в том числе Европейской России. В юридическом понимании первой конституцией России, как самостоятельного суверенного государства, является Конституция РСФСР (1918 г.). Принятие Конституции Советской России означало не просто провозглашение нового российского государства, но и придание ему собственного конституционно-правового статуса, что, по сути, означало легитимацию революционного переустройства национальной государственно-правовой системы.

3. Декларация прав трудящегося и угнетенного народа как исторически первая российская конституция

Конституция РСФСР была принята 10 июля 1918 г. на заседании V Всероссийского съезда Советов. По образцу первой Конституции Франции (1791 г.) Конституция Советской России состояла из разделов и включала в качестве первого раздела Декларацию прав трудящегося и угнетаемого народа (французская Конституция начиналась с Декларации прав человека и гражда-

³ Там же.

⁴ Боханов А.Н. Последний царь. М.: Вече, 2006. С. 148.

⁵ См.: Смирнов С.Н., Любина Т.И. Свод основных государственных законов Российской Империи (редакция 1906 г.) как первая отечественная конституция: взгляд через призму правового статуса человека // Вестник Тверского государственного университета. 2009. № 9. С. 157.

нина). Однако если сравнить тексты деклараций, то нетрудно убедиться в том, что в российском варианте ни о правах народов, ни о гражданских правах речь не идет. Включенная в Конституцию РСФСР в качестве первого раздела Декларация состоит из четырех глав.

В первой главе дается общая характеристика государственного строя новой России. Закрепляется республиканская форма правления и федеративная форма государственного устройства. Устанавливается национальная природа российского советского федерализма. В качестве вида субъектов федерации определяется Советская национальная республика.

Во второй главе определяется основная задача «государства рабочих и крестьян» — «уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, полное устранение деления общества на классы, беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах», закрепляется национализация земли и имущества, а также отмена частной собственности, объявляется об аннулировании займов, заключенных царским правительством, и о национализации банков, устанавливается введение трудовой повинности в отношении «паразитических слоев общества», в целях их уничтожения, декретируется вооружение трудящихся, образование Социалистической Красной армии рабочих и крестьян, одновременно с полным разоружением имущих классов.

Третья глава посвящена, если так можно выразиться, геополитическому положению РСФСР. В ней говорится о разрыве тайных договоров и организации «самого широкого братания с рабочими и крестьянами воюющих между собою армий», в результате чего должно произойти «достижение демократического мира трудящихся без аннексий и контрибуций, на основе свободного самоопределения наций. Здесь же заявляется протест в отношении колониальной политики «буржуазной цивилизации, строившей благосостояние эксплуататоров в немногих избранных нациях на порабощении сотен миллионов трудящихся», а также приветствуется политика Совета народных комиссаров, «провозгласившего полную независимость Финляндии, начавшего вывод войск

из Персии, объявившего свободу самоопределения Армении».

В четвертой главе определяется основной вид органов государственной власти — Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, устанавливается запрет представительства эксплуататоров во всех органах власти, а также предоставляется право рабочим и крестьянам всех наций России «принять самостоятельное решение на своем собственном полномочном Советском съезде: желают ли они и на каких основаниях участвовать в федеральном правительстве и в остальных федеральных советских учреждениях».

Можно сделать вывод о том, что по своему содержанию Декларация прав трудящегося и угнетаемого народа, утвержденная 18 января 1918 г. на III Всероссийском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, представляет законченный самостоятельный акт, в практическом отношении являющийся исторически первой Конституцией РСФСР. Включение (по предложению В.И. Ленина) Декларации в конституционный текст носило чисто механический характер, а ее содержание не было адаптировано к другим конституционным положениям. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в реальности Конституция РСФСР 1918 г. представляет собой два самостоятельных конституционных текста: Декларацию и собственно Конституцию. Объяснением такой ситуации является как то, что у Советской власти попросту не было времени на серьезную проработку конституционного проекта, так и то, что самой конституции отводилась в большей степени не юридическая, а политическая роль, исполнение которой вполне допускало столь значимые технико-юридические погрешности.

4. Конституция РСФСР

как источник советского революционного конституционализма

В большинстве научных работ, посвященных истории и теории конституционализма, последний рассматривается в качестве условия и принципа формирования правового государства. При этом конституционализму реальному в ряде случаев противопоставляется квазиконституционализм, в рамках которого конституционные формы не обладают юридической силой и

выполняют преимущественно бутафорскую функцию. Такое противопоставление есть не что иное, как попытка поделить историю на «правильную» и «неправильную». Соответственно, современная конституционная система, возникшая как следствие антикоммунистической революции 1990–1991 гг., рассматривается как реальный конституционализм, а советская система в силу ее отношения к тоталитарному режиму оценивается как квазиконституционная. Считаю такой подход неконструктивным. В дословном переводе слово «конституция» означает установление, устройство. Конституция, воплощающая в себе основные характеристики организации и функционирования государства, а также базовые цели и ценности, задающие вектор государственного развития, независимо от того, облечена она в письменную форму или является неписаной, есть у каждого государства⁶.

Отцы-основатели американского государства, разрабатывая Конституцию США, фактически творили «новую историю», в которой конституционный текст имел то же значение, что и библия для христианской культуры. Неудивительно, что в эпоху революционных преобразований конституция начинает рассматриваться в качестве «закона законов», и дело здесь не столько в стремлении новой власти к установлению правовых основ государственного устройства (любая революция отрицает предшествующую ей правовую традицию), сколько в легитимации и сакрализации самой революции, разрушающей прежнюю политико-правовую систему и возводящей на «обломках старого мира» здание новой государственности.

Революция 1917 г., если отойти от официального курса истории КПСС, не может быть сведена к ноябрьскому государственному перевороту. События 1905–1906 гг., вынужденное отречение от императорской власти Николая II, и наконец, падение Временного правительства в ноябре 1917 г. представляют собой взаимосвязанные и взаимно обусловленные этапы революционного процесса, возникновение которого было обусловлено глобальным кризисом власти и общества («верхи не могли управлять по-

старому, а народные массы не хотели по-старому жить»), а следствием стало разрушение Российской империи и создание на ее обломках государственно-правовой системы качественно нового типа. Партия большевиков под руководством В.И. Ленина оказалась на тот момент единственной политической организацией, имевшей четкую программу завоевания государственной власти и сумевшей эту программу реализовать. Однако наряду с программой получения власти («программой-минимум») большевики имели «программу-максимум», получившую свое юридическое закрепление в Конституции РСФСР 1918 г. Таким образом, новая российская конституция выступала не только формой конституционно-правового закрепления факта установления нового государственно-правового порядка, но и определяла направления государственного и общественного строительства.

Анализ содержания непосредственно конституционного текста (разделы со 2-го по 6-й) позволяет сделать несколько выводов, связанных с социально-правовой сущностью Конституции РСФСР и российского революционного конституционализма.

Конституция изначально принималась как временная, рассчитанная в своем действии на переходный период / момент (ст. 9, 79). В качестве основной задачи определялось «установление диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти», которая в своей деятельности должна была руководствоваться целью «полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной власти». Таким образом, в Конституции нашел свое подтверждение марксистско-ленинский тезис об эксплуататорской природе государства, которое в ходе социалистического строительства должно отмереть. Подтверждением такого отношения к государству является определение Российской Республики как «свободного социалистического общества всех трудящихся России».

Социальную основу Советской власти составляло рабочее (в смысле трудящееся) население страны, «объединенное в городских и сельских советах». Конституционное

⁶ См.: Ромашов Р.А. Конституция России и современный российский конституционализм // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2009. № 9. С. 147.

закрепление диктатуры пролетариата в качестве формы переходного государства позволяет говорить о революционном конституционализме диктаторского типа, в рамках которого легитимизируется насилие большинства (трудящихся масс) по отношению к меньшинству (классу эксплуататоров). «Фактически нормы Конституции РСФСР установили дискриминацию граждан по признаку классовой принадлежности»⁷, узаконили разделение населения России на трудовой народ и «паразитические слои общества», в отношении которых на конституционном уровне закреплялось лишение «отдельных прав, используемых против интересов социалистической революции» (ст. 23), в том числе избирательного права. «Поставленная в ней (в Конституции. — *Р.Р.*) цель «беспощадного подавления эксплуататоров» служила обоснованием для применения террора к социальным слоям, не разделявшим цели победы социализма во всех странах»⁸.

Конституция стала юридической основой нового типа «конституционного правопонимания»⁹, в рамках которого право мыслилось как «возведенная в закон воля большинства»¹⁰. При этом декларируемый «общенародный характер революционного права», как уже ранее отмечалось, предполагал исключение из народных (трудящихся) масс нетрудовых элементов (представителей свергнутых эксплуататорских классов и членов их семей), фактически исключенных из правового поля и оказавшихся в положении «вне закона».

Ориентир на мировую пролетарскую революцию, которым руководствовались в своей политической деятельности основатели советского государства, отводил Российской Социалистической Республике роль промежуточного этапа в перманентном революционном процессе. Этим может быть объяснено отсутствие детальной проработки таких значимых деталей, как:

— административно-государственное деление страны (в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа говорится, что Российская Советская Республика учреждается как федерация Советских национальных республик, однако во втором разделе «Общие положения Конституции РСФСР» устанавливается, что в РСФСР на началах федерации входят автономные областные союзы). При этом отсутствует конкретизация в отношении видов субъектов федерации и их количества, а также определения предметов ведения и распределения полномочий между федерацией и ее субъектами;

— отношение РСФСР с национальными образованиями, ранее входившими в состав Российской империи (в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народов говорится о независимости Финляндии, выводе войск из Персии (кстати, не входившей в состав России. — *Р.Р.*) и о свободе самоопределения Армении. О судьбе других административно-территориальных образований, ранее входивших в состав Российской империи (Польше, Украине, Грузии, Азербайджане, Среднеазиатских губерниях и др.), также получивших государственную независимость, в Конституции ничего не сказано);

— приобретение, изменение, утрата российского гражданства (ст. 20 устанавливает порядок, в соответствии с которым «...Исходя из солидарности трудящихся всех наций, РСФСР предоставляет все политические права российских граждан иностранцам, проживающим на территории Российской Республики для трудовых занятий и принадлежащим к рабочему классу или к не пользующемуся чужим трудом крестьянству, и признает за местными Советами право предоставлять таким иностранцам, без всяких затруднительных формальностей, право российского гражданства»);

— осуществление судопроизводства и прокурорского надзора (данные виды деятельности вообще не получили конституционного закрепления);

— определение периодичности проведения Всероссийских съездов Советов, в соответствии с Конституцией являющихся высшей властью РСФСР. Статья 26 гласит: «Всероссийский съезд Советов созывается... не реже двух раз в год». При этом в ст. 27 предусматривалась дополнительная возможность созыва чрезвычайных Всероссийских съездов.

⁷ Нудненко Л.А. Конституция — Основной закон советской России // История Конституции России : хрестоматия / под ред. Р.А. Ромашова. 2-е изд., доп. СПб. : СПбГУП, 2013. С. 68.

⁸ Витрук Н.В. Верность Конституции : монография. М. : Изд-во РАП, 2008. С. 10.

⁹ См.: Крусс В.И. Теория конституционного правопользования. М. : Норма, 2007. С. 23.

¹⁰ Шафиров В.М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию. Красноярск, 2004. С. 86.

Нетрудно представить, чем могла обернуться практическая реализация этих конституционных положений с учетом общего состояния государственного хозяйства. Избирательный процесс превратился бы в перманентную форму государственной деятельности.

Диктаторский тип революционного конституционализма исключал «проблему превышения власти или ее злоупотреблений, а потому оказался ненужным принцип разделения властей»¹¹. Конституция устанавливала административную иерархию: Всероссийский съезд Советов — ВЦИК — СНК — местные Советы. В формально-юридическом отношении Советы являлись полновластной системой, «осуществляющей функции законодательства, исполнения законов и контроля за их исполнением»¹².

Конституция стала правовой основой для относительно «рациональной организации государства в соответствии с целями стоявших у власти новых политических сил. Был предупрежден раскол России как единого государства на многочисленные автономные государства — коммуны, «республики» и т.п., были преодолены «самостийность» и сепаратизм на местах, когда губернии, уезды и волости, а в некоторых случаях города и даже села объявляли себя «республиками» или «трудовыми коммунами»¹³.

Представляется неточной характеристика Конституции РСФСР как первой в мире социальной конституции, закрепившей широкий перечень социальных прав. В реальности получило свое конституционное закрепление и практическое воплощение только право на «полное, всестороннее и бесплатное образование» (ст. 17). Право на труд было закреплено в качестве конституционной обязанности, права медицинского и социального обеспечения в конституции не рассматривались.

Финансовый конституционализм основывался на экспроприации буржуазии и подготовке условий для всеобщего равенства граждан республики в области производства и распределения богатств. Организация сбора средств для удовлетворения местных и общегосударственных нужд Советской Ре-

спублики предполагала задействование любых методов, в том числе связанных с «вторжением в право частной собственности» (ст. 79). Именно это конституционное положение стало юридической основой политики «военного коммунизма», в рамках которой осуществлялись принудительные изъятия сельскохозяйственной продукции и продуктов питания у крестьянства, церковных ценностей, ширококомасштабные экспроприации имущества представителей свергнутого эксплуататорского класса.

Обобщая сказанное, следует констатировать, что первая, в формально-юридическом смысле, конституция России — Конституция РСФСР (1918 г.) представляет собой характерный документ революционной эпохи и является основным источником советского революционного конституционализма. Основной целью, которую ставили перед собой авторы Конституции, являлось конституционно-правовое закрепление факта установления нового типа государства — диктатуры пролетариата и установление новой структуры государственной власти — системы Советов. Предполагалось, что октябрьский переворот 1917 г. — лишь катализатор грядущей в скором времени мировой революции, следовательно, и сама российская конституция имела временное значение и рассчитывалась исключительно на переходный период. В принципе так и произошло. Правда, не случилось мировой революции, а победоносное завершение большевиками Гражданской войны и осознание долговременности «переходного периода» создания безгосударственного коммунистического общества обусловили воссоздание Империи, только уже не Российской, а Советской, в которой РСФСР, перестав быть Европейской Россией и русским православным государством, утратила (в формально-правовом отношении) приоритетный статус по отношению к другим национальным субъектам федерации — «братским» союзным республикам, став равной по отношению к равным. Неудачность эксперимента «революционной уравниловки» в сфере национально-территориального федеративного устройства была доказана одномоментным распадом СССР и крахом мировой системы социализма, происшедшим в последнее десятилетие столь богатого на мировые исторические трагедии XX в.

¹¹ Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. С. 51.

¹² Витрук Н.В. Верность Конституции: монография. С. 10.

¹³ Там же.

Литература

1. Баглай М.В., Габричидзе Б.Н. Конституционное право Российской Федерации. М., 1996. С. 51.
2. Боханов А.Н. Последний царь. М. : Вече, 2006. С. 148.
3. Витрук Н.В. Верность Конституции : монография. М. : Изд-во РАП, 2008. С. 10.
4. Красс В.И. Теория конституционного право-пользования. М. : Норма, 2007. С. 23.
5. Нудненко Л.А. Конституция — Основной закон советской России // История Конституции России : хрестоматия / под ред. Р.А. Ромашова. 2-е изд., доп. СПб. : СПбГУП, 2013. С. 68.
6. Ромашов Р.А. Конституция России и современный российский конституционализм // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2009. № 9. С. 147.
7. Ромашов Р.А. Национальная культура как контекст государственно-правового развития России // История государства и права. 2015. № 12. С. 5.
8. Смирнов С.Н., Любина Т.И. Свод основных государственных законов Российской Империи (редакция 1906 г.) как первая отечественная конституция: взгляд через призму правового статуса человека // Вестник Тверского государственного университета. 2009. № 9. С. 157.
9. Шафиров В.М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию. Красноярск, 2004. С. 86.

Всенародное обсуждение проекта Конституции Союза ССР 1936 г. (по материалам Государственного архива Российской Федерации)

*Иванов Иван Васильевич,
аспирант кафедры конституционного права
имени Н.В. Витрука Российского государственного
университета правосудия
sarmat212@yandex.ru*

В статье рассматриваются проведение и организация всенародного обсуждения проекта «Сталинской» Конституции СССР 1936 г. Автором исследованы основные формы проведения всенародно-го обсуждения. Доказано, что результаты подобного обсуждения отражали интересы и настроения граждан, т.е. не являлись формальными.

Ключевые слова: всенародное обсуждение, проект Конституции СССР 1936 г., граждане, Советы, население, демократия.

Public Discussion of the Draft Constitution of the USSR of 1936 (Source: the State Archives of the Russian Federation)

*Ivanov Ivan V.,
Postgraduate Student of the Vitruk Department of Constitutional Law
of the Russian State University of Justice*

The article examines the conduct and organization of the public discussion of the “Stalinist” Constitution of 1936, the author studied the main form of public discussion. It is proved that the results of such discussions reflect the interests and sentiments of the citizens, that is not a formality.

Key words: public discussion, Draft Constitution of the USSR 1936, citizens, Advice, population, democracy.

Впервые в Советском Союзе всенародные обсуждения важных вопросов государственной жизни масштабно были реали-

зованы при принятии Конституции Союза ССР 1936 г. Проект Конституции СССР 1936 г. обсуждался более пяти месяцев совет-

ским народом. В его обсуждении приняли участие 51,5 млн человек, то есть более 60% всего взрослого населения страны. Для обсуждения проекта Конституции были проведены 458 411 собрание, 59 171 пленум местных Советов и их исполкомов, 105 722 заседания секций и депутатских групп. Общее количество поправок и дополнений, внесенных к статьям проекта Конституции СССР, превысило 1,5 млн¹. Документы Государственного архива Российской Федерации свидетельствуют, что только в Украинской ССР на 1 ноября 1936 г. было проведено пленумов городских, сельских Советов и их исполкомов 13 377, на которых внесено 8204 предложения по проекту обсуждаемой Конституции, при общем числе Советов в данной республике 11 076². Всего же, как следует из Сводной ведомости о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции Союза ССР, в Украинской ССР приняли участие в собраниях на 1 ноября 1936 г. свыше 10 969 439 человек³.

Всенародное обсуждение проекта Конституции Союза ССР 1936 г. началось буквально с момента одобрения его Президиумом ЦИК СССР. Прочтение проекта Конституции и обсуждение каждой статьи производились не только в клубах, на предприятиях, в сельсоветах, правлениях колхозов, в бригадах и так далее, но и в общежитиях⁴. Кроме собраний, бесед, читок в ряде мест — Оренбургской, Харьковской, Черниговской и других областях проводились радиопереклички, передача специальных дикций по радио⁵. В целях всестороннего обсуждения проекта Конституции и обеспече-

ния определенным методическим материалом организаторов подобного обсуждения на региональном уровне партийными органами публиковались специальные тематические брошюры, в которых помещались предложения граждан⁶.

Агитаторами в поддержку обсуждения проекта Конституции СССР 1936 г. были в основном передовики производства, стахановцы, партийные деятели, интеллигенция, которые инициировали различные неординарные формы проведения обсуждения проекта Конституции. В аналитических документах от 15 октября 1936 г., подготовленных Организационным отделом при Центральном исполнительном комитете СССР, приводятся случаи, когда проект Конституции обсуждался на дому у стахановцев завода им. Старостина, «Красный профинтерн», рабочих макаронной фабрики в городе Одессе⁷. Завод им. Январского восстания провел 18 поездок рабочих за город, где обсуждался проект Конституции. Обсуждался и изучался проект Конституции в партшколах, школах сочувствующих и так далее. В ответ на Сталинскую Конституцию педагоги школ Кулябского района Таджикской ССР совершили пеший переход Куляб — Сталинабад. По пути в районах они проводили собрания колхозников с обсуждением проекта Конституции⁸.

Важным представляется доведение текста проекта Конституции СССР 1936 г. до всех национальностей Советского государства, в том числе мало знакомых с русским языком либо знающих исключительно свой родной язык. В этих целях текст проекта Конституции СССР 1936 г. переводился на язык соответствующей национальности. Из архивных материалов известны случаи, когда собрания по обсуждению данной Конституции в союзных республиках, автономных республиках РСФСР проводились на казахском, марийском и других языках на-

¹ Советское государственное право / отв. ред. А.И. Лепешкин. М. : Юридическая литература, 1971. С. 62.

² Докладная записка о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР на 15.10.1936 г. // ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дело 109.

³ Сводная ведомость о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции Союза ССР // ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дело 109.

⁴ Всенародное обсуждение проекта Конституции Союза ССР / сост. Ребров, Аскеров, Беренц ; под ред. Е.Б. Пашуканиса, П.В. Туманова ; вступ. ст. И.С. Уншлихта. М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 4.

⁵ Докладная записка о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР на 15.10.1936 г. // ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дело 109, с. 9.

⁶ Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР. Челябинская область. Челябинск : Изд-во Обкома ВКП(б), 1936 г. 112 с. ; Всенародное обсуждение Сталинской конституции (в помощь пропагандисту и агитатору) : сб. материалов. Сталинград : Краевое книгоиздательство, 1936. 80 с.

⁷ Докладная записка о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР на 15.10.1936 г. ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дело 109, с. 8.

⁸ Там же. С. 5–8.

родов СССР. Малоизвестным фактом является практика организации специальных национальных школ на период всенародного обсуждения проекта Сталинской Конституции. В Поволжье было «создано 3 национально-немецких школы, которые обслуживали трудящихся немцев, проживающих в этом регионе»⁹.

Полагаем, что обсуждение проекта Конституции СССР 1936 г. имело объективно всенародный характер. Граждане Союза ССР вне зависимости от своего социального статуса, профессии, возраста высказывали замечания и предложения по тексту проекта обсуждаемой Конституции. В адрес Центрального исполнительного комитета Союза ССР граждане направляли письма с рекомендациями по совершенствованию проекта Конституции СССР 1936 г. В фондах Государственного архива Российской Федерации хранятся подобные обращения граждан¹⁰. Как правило, граждане заявляли о необходимости внесения изменений и дополнений в проект Конституции, руководствуясь собственными профессиональными, социально-экономическими (бытовыми) интересами. К примеру, домохозяйки положительно воспринимали гарантирование государством социального обеспечения по старости (пенсии), заявляли о необходимости его развития и так далее. Однако имелись случаи проявления идеологических убеждений, свойственных своему времени: «Не давать право голоса попам и кулакам» (предложение о редакции 135-й статьи); «Лица, покусившиеся на общенародную социалистическую собственность, являются врагами народа» (предложение о редакции 131-й статьи)¹¹. Вероятность возможности фальсификации данных всенародных обсуждений 1936 г. в целях завышения их значимости крайне мала, как и возможная ссылка на их исключительно идеологический характер. В Докладной записке о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР на 15 октября 1936 г., составленной Организационным отделом ЦИК СССР, приводятся следующие факты: «Обсуждение проекта в Карагандинской области, несмотря на специальное решение бюро обкома ВКП(б),

продолжает проходить неудовлетворительно»; «Благодаря нечеткости и неорганизованности, колхозники начали съезжаться с утра и ждали начала митинга до 6 час. вечера. Несмотря на желание многих из собравшихся пяти тысяч колхозников выступить, слово никому не дали. Резолюцию принимать также сочли излишним»¹². Некоторые председатели колхозов посчитали в целом излишним обсуждение Сталинской Конституции. Имелись случаи, когда партийные работники заявили, что вносить предложения по проекту Конституции запрещено¹³. Таким образом, организация и проведение института всенародных обсуждений проекта Конституции СССР 1936 г. сопровождались определенными проблемами и не были лишены недостатков. Информационные источники, непосредственно данные Организационного отдела ЦИК СССР позволяют делать выводы как о положительных, так и об отрицательных сторонах проведения данного института прямой демократии.

Конституционно-правовое исследование института всенародных обсуждений в Советском государстве и непосредственная его реализация при принятии Конституций СССР 1936, 1977 гг. осложняется фактическим отсутствием его нормативно-правового регулирования, тем более это относится к обсуждению проекта Сталинской Конституции 1936 г. Из анализа архивных материалов допустимо заключить, что основным методическим, организационным, консультативным, контрольным органом был Совет соответствующего уровня, главным образом ЦИК СССР, и в частности его Организационный отдел, выполняющий сбор, обобщение, анализ информации о ходе всенародных обсуждений проекта Конституции. По состоянию на 15 октября 1936 г. Организационным отделом при ЦИК СССР было учтено и обобщено 13 721 предложения граждан¹⁴, которые затем были разложены по статьям проекта Конституции СССР 1936 г.

⁹ Там же. С. 8.

¹⁰ Письма граждан с предложениями по проекту Конституции СССР // ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дела 77–79, 81–87.

¹¹ ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дело 135 (2).

¹² Докладная записка о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР на 15.10.1936 г. ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дело 109, с. 8.

¹³ Там же. С. 9.

¹⁴ Информационная сводка № 3/13 предварительных итогов поступивших предложений и дополнений, вносимых трудящимися к проекту новой конституции СССР от 15.10.1936 г. // ГАРФ: фонд 3316, опись 40, дело 18, с. 1.

Конституционно-правовое исследование архивных материалов позволило выявить несколько самостоятельных источников учета данных всенародных обсуждений проекта Конституции СССР 1936 г.:

1) вырезки из газет и сводки с предложениями по проекту Конституции СССР к соответствующей статье¹⁵. Из данных вырезок формировались дела по принципу отнесения их к определенной статье проекта Конституции;

2) письма граждан с предложениями по проекту Конституции СССР¹⁶;

3) информационные сводки о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции по различным административно-территориальным единицам РСФСР, субъектам СССР. В частности, подобные сводки имеются по Московской¹⁷, Новосибирской¹⁸, Ленинградской¹⁹ области и т.д. Данные сводки представляют собой аналитику поступивших предложений;

4) сводки дополнений, предложений и поправок к проекту Конституции СССР по различным административно-территориальным единицам РСФСР, субъектам СССР²⁰. Подобные сводки представляют собой сбор наиболее актуальной информации, полученной в ходе всенародного обсуждения проекта Конституции, в том числе полученной с пленумов Советов всех уровней и утвержденной ими;

5) статистические отчеты о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции, которые представляют собой цифры о ко-

личестве собраний, пленумов Советов всех уровней по вопросу данного обсуждения²¹;

6) докладные записки о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР. Подобные записки подготавливались Организационным отделом ЦИК СССР и носили оценочный характер хода подобного обсуждения как в целом по СССР²², так и по отдельным административно-территориальным единицам союзных республик²³. Подобные записки являются одними из самых ценных источников исследования проведения всенародного обсуждения Конституции СССР 1936 г., так как содержат множество материала критического характера, отражающего реальный ход подобного обсуждения. Допустимо предположить, что они подготавливались для руководства Советского государства;

7) брошюра «Всенародное обсуждение проекта новой Конституции СССР» в трех томах. Данная брошюра имела официальный характер и специально подготавливалась ЦИК СССР для полного представления о масштабе и итогах всенародного обсуждения²⁴.

Помимо этого, имелись документы, которые объединяли в себе статистическую и аналитическую информацию²⁵.

Таким образом, исследование проведения всенародного обсуждения проекта Конституции Союза ССР 1936 г. показало, что граждане приняли самое активное участие в реализации данного института прямой демократии. Архивные материалы свидетельствуют о достоверности результатов все-

¹⁵ Вырезки из газет и сводок с предложениями по проекту Конституции СССР // ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дела 1–76.

¹⁶ Письма граждан с предложениями по проекту Конституции СССР // ГАФТ: фонд 3316, опись 41, дела 81–87.

¹⁷ Информационная сводка о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции по Московской области // ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дело 130.

¹⁸ Информационная сводка о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции по Новосибирской области // ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дело 131.

¹⁹ Информационная сводка о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции по Ленинградской области в 3 томах // ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дела 126–128.

²⁰ Сводка дополнений, предложений и поправок к проекту Конституции СССР по Челябинской области, Северо-Кавказскому, Западно-Сибирскому краям // ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дело 140.

²¹ К примеру, Статистический отчет о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР по Чувашской АССР // ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дело 157.

²² Докладная записка о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР на 15.10.1936 г. // ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дело 109.

²³ Докладная записка о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР по Одесской области // ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дело 171.

²⁴ Всенародное обсуждение проекта новой Конституции СССР (брошюра) // ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дела 186–188.

²⁵ Докладная и информационная сводка о ходе всенародного обсуждения проекта Конституции СССР по Грузинской ССР // ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дело 177; Сводный бюллетень 3/10 дополнений и предложений к проекту Конституции СССР // ГАРФ: фонд 3316, опись 41, дело 97.

народного обсуждения проекта Основного закона 1936 г.: отчеты Организационного отдела ЦИК СССР содержат множество фактов саботажа собраний по обсуждению проекта данного закона и т.д., т.е. подобные материалы всесторонне отражают ход и особенности проведения всенародного обсуждения, в том числе с отрицательной стороны. Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР 1936 г. не было формальной акцией, фоном поддержки действующей власти, но основывалось на интересе граждан к принятию нового Основного закона государства, о чем свидетельствуют сотни тысяч писем обычных граждан в адрес ЦИК СССР.

Также определены различные виды источников результатов проведения всенародного обсуждения проекта Конституции СССР 1936 г.: письма граждан; информаци-

онные сводки; статистические отчеты; докладные записки; сообщения из газет.

Литература

1. Всенародное обсуждение проекта Конституции Союза ССР / сост. Ребров, Аскеров, Беренц; под ред. Е.Б. Пашуканиса, П.В. Туманова; вступ. ст. И.С. Уншлихта. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936. С. 4.
2. Всенародное обсуждение проекта Конституции СССР. Челябинская область. Челябинск: Изд-во Обкома ВКП(б), 1936. 112 с.
3. Всенародное обсуждение Сталинской конституции (в помощь пропагандисту и агитатору): сб. материалов. Сталинград: Краевое книгоиздательство, 1936. 80 с.
4. Советское государственное право / отв. ред. А.И. Лепешкин. М.: Юридическая литература, 1971. С. 62.
5. Фонд 3316 Государственного архива Российской Федерации.

Полномасштабная рецепция права: деструктивное содержание

*Ткаченко Сергей Витальевич,
доцент кафедры «Управление персоналом»
Самарского государственного университета путей сообщения,
кандидат юридических наук
ректор2@rambler.ru*

Правовые реформы, основанные на полномасштабной рецепции права, расходящиеся с правовой ментальностью общества, обладают явно выраженной деструктивностью. Она проявляется в неприятии населением таких реформ в виде правовой пассивности либо в активном противодействии государству, осуществляющему такую реформу. Зачастую полномасштабная рецепция политико-правовых идей приводит к резкой смене политического строя, внутреннего содержания государства. С другой стороны, декларации государственной власти о проведении таких политико-правовых реформ нередко свидетельствует о полной или частичной утрате государственного суверенитета.

Ключевые слова: правовые реформы, полномасштабная рецепция права, деструктивность, информационная война, правовая ментальность, идеология.

Full-Scale Reception of Law: Destructive Content

*Tkachenko Sergey V,
Assistant Professor of the Department of Human Resources Management
of the Samara State Transport University,
Candidate of Legal Sciences*

Legal reforms, based on full reception of law is at variance with the legal mentality of the society, have a pronounced destructive. It is manifested in the public resistance to such reforms in the legal form of passivity or in active opposition to the state implementing such reform. Often a full-scale reception of political and legal ideas leads to a sharp change of the political system, the internal content of the state. On the other hand, the Declaration of the state authorities to undertake such political and legal reforms, often indicates the complete or partial loss of state sovereignty.

Key words: legal reforms, full-scale reception of law, destructiveness, information warfare, legal mentality, ideology.

Несмотря на то что рецепция права является неотъемлемым элементом развития любой правовой системы, она обладает и явно выраженной деструктивностью, т.е. способностью вызывать негативный эффект в реализации правовых реформ. Это прежде всего связано с принципиальной чуждостью внедряемого правового содержания иностранного происхождения для отечественного правового мышления. Негативный эффект может проявляться в неприятии обществом реформ, которое может быть выражено либо в правовой пассивности, либо в активном противодействии государству, осуществляющему такую реформу. Показательным примером пассивной реакции на реформы служит попытка законодателя США изменить правовую ментальность индейских племен в резервациях в 30-е годы XX в. путем установления главенства американского законодательства над обычным правом индейских резерваций (Indian Reorganisation Act). Однако, за редким исключением, большинство племен с обычным правом, противоречившим логике конституции, вошли в результате реформы в период глубокого кризиса и стагнации, чем-то напоминающий состояние российского общества в 90-е годы.

Однако подобная правовая апатия, пассивность большинства российского населения, возникшая в результате противоречия содержания реформ, основанных на рецепции западной традиции права, правовой ментальности населения, до сих пор ошибочно рассматривается политиками и учеными в качестве уникального русского феномена правового нигилизма¹.

Зачастую насильственные попытки изменения ментальности населения в рамках насаждения зарубежной политико-правовой культуры приводят к открытому неповиновению, к активному сопротивлению общества. Так, едва не приведшей к гражданской войне в Российском государстве явилась реформа Православия, основанная на рецепции политико-правовых православных ценностей от «греков». Необходимо иметь в виду, что к этому времени российская правовая система сформировалась в рамках религиозно-правовой традиции, Российское государство уже ощущало себя преемником

Византийской империи, Третьим Римом в охране и распространении Православия во всем мире. Политическим руководством государства с целью приобретения международного авторитета было принято решение провести церковную реформу по греческому образцу. В результате недостижения поставленных целей, открытого сопротивления реформе, основанной на рецепции, патриарх Никон был низложен. «Раскол» охватил русское общество не на одно столетие.

Другим примером в русской истории, где нововведения, основанные на западном образе жизни, западном правовом мышлении, натолкнулись на стойкое нежелание их исполнения, на открытое сопротивление, было введение Петром I обязательного бритья бороды и усов², противоречащего православной традиции. Ранее законодательство Алексея Михайловича даже определяло ответственность в виде опалы и перевода из высших чинов в низшие «за ношение платья и стрижение волос по иноземному обычаю»³.

Основой противоречия явилась религиозная традиция, которая бороду рассматривала в качестве отличительного признака православного, а бритье признавалось еретической выдумкой, направленной на соблазн верующего и растление добрых нравов общества. Требования наличия бороды встречается в Ветхом Завете: Левит (19: 27), Книге 2 Царств (10: 4, 5), Книге 1 Паралипоменон (19: 4); а также в Постановлении святых апостолов (1: 4), Номоканоне (пр. 25) и т.д. Кроме того, ношение бороды являлось признанием достоинства русского человека, за ее повреждение устанавливалось наказание. Так, еще Русская Правда (Пространная редакция) в п. 67 определяла штраф в 12 гривен⁴.

² О бритьи бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяконов, о взятии пошлины с тех, которые сего исполнить не захотят, и о выдаче заплатившим пошлину знаков. 16.01.1705 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. (1700–1712 гг.). URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php

³ О ношении платья и нестрижении волос по иноземному обычаю. 06.08.1675 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. (1649–1675). СПб., 1830. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=5®im=3

⁴ Русская Правда (Пространная редакция): Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4947>

¹ См. подр.: Ткаченко С.В. Правовой нигилизм России как основной миф рецепции Западного права // Право и политика. 2009. № 4. С. 768–774.

Поэтому борьба с бородами изначально должна была расколоть российское общество, что и произошло в период правления Петра I, несмотря на то что сам император уделил такой борьбе немало своего внимания⁵. Поражение верховной власти в этой борьбе было законодательно оформлено в 1762 г. императрицей Екатериной II, установившей, что «как в бритье бород, так и в ношении указного платья никакого принуждения чинено не будет»⁶.

В силу вышеизложенных причин законодатель при желании избежать деструктивности, как следствия правовых реформ, основанных на полномасштабной рецепции права, должен учитывать реакцию населения на такое радикальное изменение своего образа жизни. Здесь должен быть исключен насильственный характер рецепции, который, за редким исключением, был всегда присущ российским реформам.

В истории России случались реформы, основанные на полномасштабной рецепции инокультурных политико-правовых идей, приводившей к радикальному отчуждению сословий друг от друга. Так, благодаря образовавшейся моде на галломанию и соответствующей рецепции французской культуры⁷, русские дворяне, представлявшие меньший процент населения, говорили, одевались, жили, ели и пили, как французы, а их крепостные крестьяне оставались русскими. По мнению Т.Е. Новицкой, тяжелейшие условия жизни крепостного народа способствовали возникновению отчуждения, если не ненависти угнетенных в отношении угнетателей, а различие в культурах усугубляло это противостояние

народа и дворянства⁸. Дети дворян воспитывались в неуважительном отношении к русской национальности, теряли веру своих отцов, язык своей страны и вообще переставали воспринимать себя русскими⁹. Ситуация разрешилась революцией октября 1917 г., после которой практически всех дворян выгнали из страны либо физически уничтожили.

Ситуация с резким расслоением населения в связи с рецепцией идей западной правовой культуры повторилась в постсоветской России. Внедрение идеологии либерализма, идей капиталистического развития привело к противостоянию «новых русских» (бизнесменов) и всего остального общества. Влияние этого малочисленного выделившегося слоя до сих пор негативно ощущается на правовой культуре России, так как в ходе приватизации, становления рыночной экономики они заняли важнейшую социальную нишу, позволявшую непосредственно и опосредованно влиять на становление российской государственности. Российская общественность настроенно относится к таким людям, на которых делает ставку современный политический режим, так как меньшинство из них достигло высокого положения самостоятельно или избегая криминальных путей. Современная политическая и экономическая элита пропитана культурой «новых русских», которая помимо нигилистических установок к праву, государству, к чужой собственности уничтожительно относится к русскому народу, к его культуре, являясь основным идеологом радикальных политико-правовых реформ.

Зачастую рецепция политико-правовых идей может привести к ухудшению политического строя, внутреннего содержания государства, что нередко приводит к многовековым застойным проблемам либо заканчивается потерей суверенитета и гибелью государства. Внедряемые идеи, даже сформулированные лишь в отдельных правовых актах, радикально меняют правовую политику государства. Исторический пример — рецептированная от соседних государств модель, воплотившаяся в законе эфора Эпитадея, который в Спарте изменил

⁵ О поступании с раскольниками, касательно подстрижения им бород, по прежнему, и о ношении указного платья тем, которые плотно бород не подстригают. Сенатский. 12.06.1722 // Первое собрание Полного Свода законов Российской империи (1720–1723) Т. 6. СПб., 1830. С. 720 ; О взыскании с торговых людей, за небритие бород, штрафа и об увольнении от оного крестьян, которые привозят в города на продажу сельские продукты и торгом не занимаются. Сенатский. 14.06.1723 // Первое собрание Полного Свода законов Российской империи (1723–1727). Т. 7. СПб., 1830. С. 77.

⁶ О позволении раскольникам выходить и селиться в России в местах, означенных в прилагаемом у сего в реестре. 14. 12.1762. Сенатский // Первое собрание Полного Свода законов Российской империи (1723–1727). Т. XVI. СПб., 1830. С. 131.

⁷ См. подр.: Исаев И.А. Проблема правового «заимствования»: Россия и Запад // История государства и права. 2016. № 11. С. 5.

⁸ Новицкая Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века : монография. М., 2005. С. 195.

⁹ См.: Чайка В.Н. Элементы бессознательного в правовой реальности России : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.

порядок наследования от отца к сыну. В результате «каждый мог подарить или оставить по завещанию свой дом и надел кому угодно» (Плутарх). После принятия этого закона спартанские граждане фактически могли свободно распоряжаться своими наделами, тогда как раньше их клеры были неделимыми и передавались, по-видимому, в виде майората только старшему сыну. В этом и заключалась новизна ретры, ибо она допускала полную свободу дарения и завещания даже при наличии законных наследников¹⁰. В результате спартанское общество перестало быть равным, что привело к закономерной смене политико-правового устройства такого государства и дальнейшей его деградации.

Разрушение СССР также явилось следствием реформ, основанных на рецепции западной правовой традиции. В рамках идеологии «перестройки» был взят политико-правовой курс на принципиальный отказ от советского пути развития и переход на западный проект развития российской государственности. Заимствования из западной традиции права обуславливались «целями обеспечения дальнейшего развития осуществляемых в стране глубоких политических и экономических преобразований, укрепления конституционного строя, прав, свобод и безопасности граждан, улучшения взаимодействия высших органов государственной власти и управления»¹¹. В результате Конституция СССР настолько изменила свой характер, что, по сути, стала представлять собой буржуазный проект развития общества, напоминающий российский образец 1993 г. Этот проект вовлекал широкие слои советских людей в предпринимательскую деятельность, зачастую по своему характеру совпадающую с криминальной. При открытом попустительстве властей широко внедрялась криминальная культура, так как именно она должна была разобщить общество, дать возможность образовать «первоначальный капитал». Именно эти процессы, возникшие на основе полномасштабной рецепции западной правовой традиции, стали основным механизмом разрушения СССР и создания новых

государств с идеологией, противоречащей ментальности большинства населения.

При изучении политико-правовых реформ, основанных на полномасштабной рецепции, необходимо учитывать, что различные заявления, декларации государственной власти о проведении политико-правовых реформ, основанных на полномасштабной рецепции права, нередко свидетельствуют о полной или частичной утрате государственного суверенитета. Такую утрату суверенитета наблюдаем на примере современной Украины, где в результате антиконституционного переворота при активной поддержке Запада пришло прозападно настроенное правительство Порошенко, резко сменившее геополитическую направленность Украины на Россию, существовавшую с XVI в. Эта смена произошла под лозунгом «европейского выбора». В Заявлении Верховной Рады Украины от 16 сентября 2014 г. «О европейском выборе Украины» содержится обоснование необходимости присоединения к Европейскому Союзу, так как «только в союзе равных, независимых, богатых, демократических и правовых европейских государств можно обрести такой статус»¹². Для реализации данного заявления наряду с другими законодательными актами был издан Указ Президента Украины № 268/2015 «О создании Совета реформ», утвердивший Положение о Совещательном международном совете реформ. Основной задачей этого совета является «предоставление предложений и рекомендаций относительно осуществления в Украине реформ на основе лучшего международного опыта»¹³.

Государственной властью Украины также декларируются принципы судебной реформы, основанной на полномасштабной рецепции под видом «достижения европейских стандартов»¹⁴. Однако вместо реальных политико-правовых преобразований на Украине реформы ограничились лишь декларациями, что показывает основную цель «майданной» революции: захват и перераспределение вла-

¹⁰ Печатнова Л.Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001. С. 429.

¹¹ Закон об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 12. Ст. 189

¹² Заявление Верховной рады Украины от 16 сентября 2014 г. «О европейском выборе Украины». URL: constitutions.ru/?p=10211

¹³ Указ Президента Украины № 268/2015 «О создании Совета реформ» // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <http://constitutions.ru/?p=11081>

¹⁴ Указ Президента Украины № 812/2014. «О Совете по вопросам судебной реформы». URL: <http://www.president.gov.ua/ru/documents/18258.html>

сти и собственности при сохранении существующего строя. Это так называемая декоративная модель рецепции, характеризующаяся имитационными, по сути, процессами построения демократического государства¹⁵.

В сфере идеологии информационной войны¹⁶ признание факта рецепции правовых ценностей приводит к возникновению деструктивных теорий о неспособности определенной цивилизации к самостоятельному развитию, что наносит культурную травму общественному сознанию и служит основанием для научных и политических спекуляций. Здесь в качестве наглядного примера выступает норманнская теория, основателями которой утверждалось, что как государственность, так и свое имя «Россия» были получены от скандинавов. Историческая действительность, как правило, никого из таких исследователей не интересует. Борьба проходит с идеологических позиций: если признаем рецепцию политико-правовых ценностей русским — значит, признаем их государственно-правовую «неполноценность». Поэтому столько сил положено на опровержение, на обход этой теории. В результате предпринята попытка объяснить позицию сторонников норманнской теории с позиции их политической ориентации на западный мир¹⁷.

При исключении идеологической составляющей «норманнской» теории можно констатировать, что при формировании российской государственности, ее правового пространства использовались в той или иной мере все политико-правовые ценности, которыми обладали соседи, особенно те, которые в той или иной форме могли влиять на древнерусское государство¹⁸. Это же касается и влияния норманнов, которые проявили себя не только в России, но и в Европе. В Европе они осели в 911 г. в так называемой

Нормандии, распространив свое влияние в XII в. на Англию, большую часть Франции, Южную Италию и Сицилию. Так называемые Варяжские законы легли в основу английского права со времен норманнского завоевания по наше время. Но даже это влияние не сформировало похожей на российскую теорию о неполноценности европейской государственности.

Таким образом, правовые реформы, основанные на полномасштабной рецепции, могут не только образовать модернизационный проект, улучшить повседневную жизнь общества, снять накапливающийся зачастую веками общественный протест, т.е. избежать революции, гражданской войны, масштабных проявлений коллаборационизма во время войны. Правовые реформы, которые не только расходятся с ментальностью общества, но и преследуют интерес лишь одного слоя населения (как правило, самого малочисленного, но приближенного к власти) вызывают деструктивные проявления как в самом государстве, так и в общественной жизни. Мы до сих пор живем в политико-правовой реальности, образованной в 1993 г., когда была осуществлена полномасштабная рецепция западной традиции права. К настоящему времени те преобразования, которые насильственно насаждались, так и остались чуждыми для россиян (среди них: стяжательство, сутяжничество, тунеядство, формализм права, фактический отказ от принципа равенства, справедливости и т.д.). Особое опасение вызывает отказ законодателя учитывать национальные и религиозные особенности населения, принуждая его исполнять стандартные правовые требования светского государства. Это приводит к усилению сепаратистских настроений, что мы видим на примере Кавказа.

Очевидно, что необходимы новые реформы, использующие полномасштабную рецепцию лучшего из мирового политико-правового опыта, в том числе и советского, которые бы учитывали интересы широких слоев общества. Российское государство опять стоит перед выбором: модернизация либо дальнейшая деградация.

Литература

1. Указ «О бритии бород и усов всякого чина людям, кроме попов и дьяконов, о взятии пошлыны с тех, которые сего исполнить не захотят, и о выдаче заплатившим пошлыну знаков». 16.01.1705 г. // Полное собрание законов Российской империи.

¹⁵ Ткаченко С.В. Декоративная модель рецепции права как угроза национальной безопасности России // Право и государство: теория и практика. Федеральный научно-практический ежемесячный журнал. 2009. № 10. С. 140–142.

¹⁶ См. подр.: Рымарь С.В. Россия — полигон современных информационных технологий // История государства и права. 2016. № 11. С. 30.

¹⁷ См., напр.: Черноков А.Э. Формирование образа государства в традиционном обществе (социально-антропологический подход) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. № 4 (17). С. 7.

¹⁸ Исаев И.А. Проблема правового «заимствования». С. 5.

- Т. 4. (1700–1712 гг.) URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php
2. Указ «О ношении платья и нестрижении волос по иноземному обычаю». 06.08.1675 г. // Полное собрание законов Российской империи. Т. 1. (1649–1675). СПб., 1830. URL: http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?part=5®im=3
3. Указ «О поступании с раскольниками, касательно подстрижения им бород, по прежнему, и о ношении указного платья тем, которые плотно бород не подстригают». Сенатский. 12.06.1722 // Первое собрание Полного Свода законов Российской империи (1720–1723). Т. 6. СПб., 1830. С. 720.
4. Указ «О взыскании с торговых людей, за небритие бород, штрафа и обувольнении от оного крестьян, которые привозят в города на продажу сельские продукты и торгом не занимаются». Сенатский. 14.06.1723 // Первое собрание Полного Свода законов Российской империи (1723–1727). Т. 7. СПб., 1830. С. 77.
5. Указ «О позволении раскольникам выходить и селиться в России в местах, означенных в прилагаемом у сего в реестре». 14.12.1762. Сенатский // Первое собрание Полного Свода законов Российской империи (1723–1727). Т. XVI. СПб., 1830. С. 131.
6. Русская Правда (Пространная редакция): Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4947>
7. Закон об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. 1990. № 12. Ст. 189.
8. Заявление Верховной Рады Украины 16.09.2014 г. «О европейском выборе Украины». URL: constitutions.ru/?p=10211
9. Указ Президента Украины № 268/2015 О создании Совета реформ» // Российский правовой портал: Библиотека Пашкова. URL: <http://constitutions.ru/?p=11081>
10. Указ Президента Украины № 812/2014 «О Совете по вопросам судебной реформы». URL: <http://www.president.gov.ua/ru/documents/18258.html>
11. Глухова Т.И. Инокультурный габитус в современном российском обществе : дис. ... канд. филос. наук. Н. Новгорода, 2006. С. 44.
12. Исаев И.А. Проблема правового «заимствования»: Россия и Запад // История государства и права. 2016. №11. С. 5.
13. Новицкая Т.Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века : монография. М., 2005. С. 195.
14. Печатнова А.Г. История Спарты (период архаики и классики). СПб., 2001. С. 429.
15. Рымарь С.В. Россия — полигон современных информационных технологий // История государства и права. 2016. № 11. С. 30.
16. Ткаченко С.В. Правовой нигилизм России как основной миф рецепции Западного права // Право и политика. 2009. № 4. С. 768–774.
17. Ткаченко С.В. Декоративная модель рецепции права как угроза национальной безопасности России // Право и государство: теория и практика. Федеральный научно-практический ежемесячный журнал. № 10. 2009. С. 140–142.
18. Чайка В.Н. Элементы бессознательного в правовой реальности России : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006.
19. Черноков А.Э. Формирование образа государства в традиционном обществе (социально-антропологический подход) // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. № 4 (17). С. 7.

Уголовное судопроизводство и защита прав его участников по Русской Правде

*Зяблина Мария Викторовна,
ведущий научный сотрудник Академии
Генеральной прокуратуры Российской Федерации,
кандидат юридических наук
maria12-79@mail.ru*

В статье рассматриваются положения Русской Правды, 1000-летие которой не осталось без внимания юридической общественности. Сделан вывод о наличии в этом памятнике права признаков уголовного судопроизводства и механизмов защиты прав его участников.

Ключевые слова: Русская Правда, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, обвиняемый, потерпевший, возмещение вреда.

Criminal Proceedings and Protection of Rights of Parties thereto under the Russkaya Pravda

*Zyablina Maria V.,
Leading Research Scientist of the Academy
of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation,
Candidate of Legal Sciences*

In article provisions of the Russian Truth which 1000 anniversary hasn't remained unaddressed the legal public are considered. On the basis of the system analysis of this monument of the right the conclusion about existence of signs of criminal legal proceedings in him and mechanisms of protection of the rights of its participants is drawn.

Key words: Russian However, criminal legal proceedings, criminal trial, defendant, victim, indemnification.

Этот год ознаменовался примечательным событием — тысячелетием Русской Правды, эпохальное наследие которой предоставляет современным историкам, юристам и правоведам уникальную возможность не только анализировать процесс развития нормотворчества в нашем государстве, но и (что особенно ценно) позволяет понять дух русского права.

Несмотря на значительное количество научных публикаций, посвященных изучению этого уникального документа, остается много нерешенных вопросов. Не вдаваясь в их подробный анализ, важно отметить, что во всех своих редакциях Русская Правда отражает быт и жизнь Древней Руси, ее традиции, принципы и характерные особенности отправления правосудия, присущие данному историческому периоду.

Изучение Русской Правды дает фундаментальное представление о возникновении и развитии отдельных отраслей права и правовых институтов.

Анализ юридической литературы показывает, что в настоящее время по-прежнему

сохраняют актуальность вопросы, связанные с возникновением и развитием уголовного судопроизводства, а также механизмов защиты прав его участников.

Даже краткий экскурс в историю права позволяет сделать вывод о том, что основным лейтмотивом его становления является Русская Правда.

Конечно, говорить о четком разделении права по отдельным отраслям в данный исторический период не приходится, тем не менее по своей юридической природе нормы Русской Правды вполне можно дифференцировать. В разное время этот вопрос детально исследовался на самом высоком научном уровне.

Русская Правда довольно подробно регламентирует механизм привлечения лица к уголовной ответственности, особенности его преследования и наказания. Более того, она содержит прототип современного принципа состязательности, предполагающего равноправие сторон в процессе.

Это позволяет говорить не только о наличии определенных признаков уголовного

процесса, но и о достаточно высоком уровне правосознания и правовой мысли общества в Древней Руси.

С начала действия Русской Правды приоритетное значение приобрели конкретные предписания закона, а не обычаи и устные договоренности, которые практиковались ранее. Скорее всего, они продолжили свое существование, но остались за рамками права. Или, как бы сказали сейчас, они стали неправовыми.

При этом одной из первостепенных задач было создание определенных гарантий от произвольного уголовного преследования, в том числе предоставление права лицу, в отношении которого оно осуществляется, доказывать свою невиновность.

Таким образом, Русская Правда возлагала бремя доказывания на лицо, обвиняемое (подозреваемое) в совершении преступления¹.

Подтверждением тому являются положения ст. 18 Русской Правды (в Пространной редакции), которая гласила: «Если кого будут обвинять в убийстве, не имея прямых улик, тот должен представить семь свидетелей, чтобы отвести от себя обвинение; если же ответчик будет варяг или другой иноземец, то достаточно будет двух свидетелей».

Интересно, что по делам, не связанным с убийством, Русская Правда предусматривала участие не семи, а одного или двух свидетелей.

Так, ст. 2 Краткой редакции Русской Правды гласит: «Если придет на Суд человек, избитый до крови или в синяках, то не надо искать свидетеля, но если не будет на нем никаких следов побоев, то он должен привести свидетеля. Если он не может привести его, то делу конец...» При этом ст. 29 Русской Правды в Пространной редакции уточняет данный порядок и говорит о том, что «свидетель должен подтвердить показания истца слово в слово».

Об участии двух свидетелей упоминается в ст. 10 Русской Правды: «В случае если муж пихнет мужа от себя или к себе, то должен платить три гривны, если на суд приведет двух свидетелей». Одновременно указанная норма содержит исключение из общего правила, так как далее следует: «...если это бу-

¹ Виноградов В.А. Распределение бремени доказывания в отечественном уголовном процессе от Русской Правды до Устава уголовного судопроизводства // История государства и права. 2016. № 17. С. 14.

дет варяг или колбяг, то он не приводит свидетелей, но сам должен идти к присяге».

Полагаем, что в указанных нормах усматриваются предпосылки возникновения права обвиняемого представлять доказательства, а также защищаться иными средствами и способами, не запрещенными законом. Современное уголовно-процессуальное законодательство России закрепляет данные права в ст. 46 и 47 УПК РФ.

Существовавшая в Русской Правде система оценки свидетельских показаний отличалась формализмом и во многих случаях предопределялась статусом самого свидетеля.

В частности, ст. 85 Пространной редакции Русской Правды устанавливала прямой запрет на участие холопа в качестве свидетеля в суде. При этом истцу предоставляется возможность ссылаться на свидетельские показания раба, сказав ответчику: «...зову тебя в суд со слов холопа, но от своего собственного лица, а не от холопского».

В любом случае, показания свидетелей были важными, и пожалуй, основными доказательствами по делу.

Любопытно, что в Русской Правде содержались нормы об ордалиях, заключающиеся в испытании ответчика железом либо водой, что сейчас называется незаконными методами расследования.

Такие меры применялись как к истцу, так и к ответчику по делам об убийствах и воровстве при отсутствии свидетелей (ст. 21 и 22 Пространной редакции Русской Правды).

Однако ввиду бесчеловечного характера данной процедуры церковь стала возражать против применения ордалий в качестве доказательств, как «искушающих бога» методов, в результате чего они были заменены на судебный поединок².

По мнению В.О. Ключевского, этот факт указывает на влияние церковной юрисдикции на Русскую Правду. Он полагал, что в тексте Русской Правды воспроизведено действовавшее на Руси право, но только в духе основ церковной жизни³.

² Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/ugolovnyi-i-grazhdanskii-protsess-porusskoi-pravde#ixzz4MPmptGe> (дата обращения 07.10.2016).

³ См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения в девяти томах. М.: Мысль, 1987. Ч. 1. С. 219, 222.

Присяга также использовалась в уголовном судопроизводстве в качестве доказательства, и к ней приводили как истца, так и ответчика. Однако в структуре системы доказательств ей отводилось последнее место. Она приносилась в случаях, когда преступление или сумма иска были малозначительными.

В юридической литературе отмечается, что православные приносили присягу перед входом в храм. Такого мнения, в частности, придерживается С.С. Пашин. Он считает, что данная практика восходит к временам действия Русской Правды, статьи которой требуют от участников судебных заседаний «идти на роту»⁴.

Под вещественными доказательствами подразумевались различные внешние следы, свидетельствующие о произошедшем событии. Они имели свою классификацию. Так, по делам о личных оскорблениях к таким следам относились: кровоподтеки, ссадины, кровотокающие раны и т.д., которые назывались «знамением»; по делам о кражах — найденные в жилище краденые вещи; по делам об убийстве — наличие в жилище у обвиняемого трупа. Краденые вещи или найденный труп назывались «лице» или «поличное».

В Русской Правде отсутствует статья, которая бы говорила, что поимка вора на месте преступления являлась достаточным доказательством в суде. Вместе с тем на это косвенно указывают целый ряд статей⁵.

Важно отметить, что Русская Правда содержала передовые и прогрессивные для того времени положения, которые регламентировали порядок возмещения вреда, причиненного преступлением (обидой).

При этом материальная ответственность за преступление могла быть возложена не только на причинителя вреда, но и на третьих лиц. Так, в случае убийства, когда преступник был неизвестен либо община не желала его выдавать, штраф (виру) обязана была уплатить община, на чьей земле был обнаружен убитый.

⁴ См.: Пашин С.С. Суд: организации и традиции // История государства и права. 2015. № 11. С. 32.

⁵ См.: Бобровский О.В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2007 [Электронная библиотека диссертаций dissercat <http://www.dissercat.com/content/ugolovnyi-i-grazhdanski-protsess-po-russkoi-pravde>] (дата обращения: 07.10.2016).

Отказавшись от смертной казни, законодатель предпринял серьезный шаг на пути восстановления справедливости, которая была крайне необходима обществу.

Это было более чем дальновидное решение, поскольку риски разобщенности среди населения существенно снижались. Появление данных предписаний в определенной мере укрепляли государственность и единение населения.

Таким образом, Русь поднялась еще на одну ступень в своем развитии. Отношения между людьми в обществе стали регулироваться законами, что в значительной мере обеспечивало законность и правопорядок на ее территории.

Серьезным законодательным прорывом стало четкое разделение процесса на отдельные стадии, которые в определенной мере сохранились в современном уголовном судопроизводстве.

Начальными стадиями досудебного разбирательства, по Русской Правде, являлись «заклич» и «свод». Они имели свою процессуальную форму, задачи и круг субъектов, привлекаемых для участия в процессе.

«Заклич» состоял в объявлении о пропавшем на торгу холопов и вещей (коня, оружия, одежды), имевших определенные индивидуальные признаки. «Свод» был одним из основных способов розыска преступника, совершившего кражу, и одновременно — способом доказывания его вины.

«Гонение следа» являлось завершающей стадией досудебного расследования по нормам Русской Правды. Оно выражалось в поиске доказательств и в розыске преступника по его следам или по следам пропавшей вещи. Круг лиц, участвовавших в данном процессе, включал в себя потерпевших, их родственников и близких, членов общины и добровольцев.

Анализ положений Русской Правды показывает, что в своем большинстве они не утратили актуальности, а лишь трансформировались за тысячу лет в современные нормы, в том числе уголовно-процессуальные.

Изучая данный памятник права, вряд ли можно внести новизну при совершенствовании действующего уголовно-процессуального законодательства. На наш взгляд, это можно сделать опосредованно с помощью системного анализа положений Русской Правды в единстве и взаимосвязи с положе-

ниями других источников права (Псковской судной грамоты, Устава уголовного судопроизводства и т.д.).

Данные исследования чрезвычайно необходимы современной науке, особенно в эпоху варварских попыток исказить историю государства Российского.

Сегодня сложно представить серьезную научную работу на соискание кандидатской или докторской степени (в том числе по специальности 12.00.09 «Уголовный процесс») без учета и анализа исторических аспектов в их широком значении.

Большинство авторов стремятся изложить эти вопросы в своих диссертациях. На наш взгляд, такой подход должен только приветствоваться, поскольку исторический материал позволит всесторонне и полно исследовать выбранную тему.

В данном контексте уместно привести известное высказывание Цицерона о том,

что знание законов заключается не в том, чтобы помнить их слова, а в том, чтобы постигать их смысл. На наш взгляд, Русская Правда предоставляет нам уникальную возможность для этого.

Литература

1. Бобровский О.В. Уголовный и гражданский процесс по Русской Правде : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2007 [Электронная библиотека диссертаций dissercat <http://www.dissercat.com/content/ugolovnyi-i-grazhdanskii-protsess-po-russkoi-pravde>] (дата обращения: 07.10.2016).
2. Виноградов В.А. Распределение бремени доказывания в отечественном уголовном процессе от Русской Правды до Устава уголовного судопроизводства // История государства и права. 2016. № 17. С. 14.
3. Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинения в девяти томах. М.: Мысль, 1987. Ч. 1. С. 219, 222.
4. Пашин С.С. Суд: организации и традиции // История государства и права. 2015. № 11. С. 32.

Влияние государственной преступности террористического характера на государственно-правовую политику в России в 60-е — 80-е годы XIX века

*Воробьев Алексей Сергеевич,
аспирант кафедры истории государства и права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
vorobalex1991@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию того, какие действия государства по противодействию государственной преступности вызывал терроризм 1860-х — 1880-х годов и как это влияло на курс, проводимый властью в России. В период либеральных реформ Александра II в России терроризм стал одной из основных угроз. Террористы совершали наиболее опасные государственные преступления, что вынуждало власть реагировать на возникающие перед ней угрозы и корректировать свой курс.

Ключевые слова: государственные преступления, влияние, террор, Уголовное уложение, контрреформы, Александр II, Александр III.

Influence of a Public Terrorist-Related Criminality on the Public and Legal Policy in Russia in the 60's — 80's of XIX Century

*Vorobyov Aleksey S.,
Postgraduate Student of the Department of History of State and Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

The article is devoted to studying of the actions of the state to resist state crimes called terrorism of 60–80th, and how it influenced on the course pursued by the authorities in Russia. During the period of liberal reforms of Alexander II of Russia, terrorism has become a major threat. Terrorists committed most dangerous crimes against the state, which forced the authorities to respond to emerging threats and to correct its course.

Key words: state crime, influence, terror, criminal code, counter-reform, Alexander II, Alexander III.

Всплеск терроризма в период либеральных реформ Александра II в России вынуждал власть реагировать на возникающие перед ней угрозы. Террористы совершали наиболее опасные государственные преступления, посягая на жизнь императора, на насильственную смену государственно-го строя, а также распространяя революционные и террористические идеи. Изучение успехов и ошибок, опыта реагирования власти на данные вызовы, изменений направления государственной и правовой политики с целью противодействия как совершению государственных преступлений, так и явлению террора в целом актуально и необходимо для формирования комплексного понимания методологии противодействия указанным угрозам. Многие процессы в развитии правового регулирования института государственных преступлений были связаны с изменением и ухудшением социальной об-

становки, что выражалось в возникновении террористических и революционных движений. 60-е годы XIX в. отметились возникновением таких организаций, как группа офицеров и студентов Иваницкого, группа Нечаева, кружки Заичневского, Ольшевского, Ишутина.

Они составляли и распространяли различные прокламации, призывы, программы, содержащие террористические, революционные идеи, оскорбляющие власть и императора, что подпадало под действие ст. 245, 248, 251, 252 Уложения 1845 г. в редакции 1866 г.¹, которые охватывали практи-

¹ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, по издан. 1866 г., и продолж. 1868 г., и всеми позднейшими дополнениями, опубликованными в Сборн. правит. распор. и Правит. вестнике с разъяснением их по решениям кассационных департаментов Правительству-

чески все совершаемые преступниками деяния идеологического характера. Например, профессор Таганцев отмечает, что как хранение запрещенных в ст. 245 материалов, так и их составление являются самими по себе деяниями противозаконными, которые должны преследоваться вне зависимости от цели или намерения сочинившего возбудить неуважение к верховной власти; значение имеет факт наличия в них выраженной мысли².

Со временем преступники перешли и к насильственным действиям. Самым серьезным преступным составом, охватывающим их деяния, можно считать покушение на жизнь императора (ст. 241 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее — Уложение 1845 г.) в редакции 1866 г.)³. 4 апреля 1866 г. террорист Дмитрий Каракозов под влиянием идей своего двоюродного брата Н.И. Ишутина⁴ совершил покушение на жизнь Александра II. Спас императора крестьянин Осип Комиссаров, который отвел руку террориста, за что был удостоен почестей и получил дворянский титул. Террорист был осужден по Уголовному уложению 1845 г. за преступное действие против жизни императора и казнен 3 сентября 1866 г.⁵

Это событие и рост социальной напряженности вынудили власть реагировать. Считая, что слишком стремительные либеральные реформы могут дестабилизировать правопорядок в стране, руководство страны предусмотрело изъятие дел из общего судебного порядка с передачей дел на рассмо-

щего Сената с приведением статей законов, на которые содержатся в уложении и уставе ссылки, и алфавитным указателем. М. : Типография В. Готье, 1872. С. 61–63.

² См.: Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. с дополнениями по 1-е января 1876 г. Издание второе, переработанное и дополненное. СПб. : Типография М. Стасюлевича. 1876. С. 159.

³ См.: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных с приведением статей других томов свода законов, на которые сделаны ссылки и указания в этом уложении (изд. 1866 г.) (неофициальное издание). М. : Типография Шюман и Глушкова, 1867. С. 80.

⁴ См.: Бодунова О.Г. Идеино-психологические мотивы преступлений террористической направленности в России // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2007. № 2. С. 21.

⁵ См.: Приговор верховного уголовного суда // Московские ведомости. 1866. № 185 (4 сентября). С. 3.

тление специальных и чрезвычайных судов. Примечание к ст. 1 Устава уголовного судопроизводства допускало ситуации, при которых «административная власть принимает в установленном законом порядке меры для предупреждения и пресечения преступлений и проступков». Власть осуществляла изъятие дел из рассмотрения в общих судебных инстанциях.

Определенные ограничения вводились и относительно принципа гласности. В 1866 г. у суда присяжных были изъяты дела о печати. Данная мера была направлена на противодействие развитию и распространению опасных для государства и общества идеологий. Также с 1869 г. было предусмотрено, что допрос высших должностных лиц в целях сохранения конфиденциальности мог производиться на дому⁶. Ответная реакция власти на террористическую угрозу выразилась и в организационных мерах, например, в назначении на значительные посты сторонников реакционной политики П. Шувалова, Д. Толстого, Ф. Трепова.

70-е годы XIX в. отметились дальнейшим развитием вышеуказанных процессов. Н.А. Рожков отмечает, что в эти годы протестную активность проявляли следующие группы: кружки курских яacobинцев, чайковцев, долгушинцев, Перовской, Дьякова, Сирякова, Семяновского, группы Лаврова и Бакунина, «Южно-российский союз рабочих», «Северный рабочий союз»⁷.

В 1860-е годы и в начале 1870-х годов в протестном движении преобладала пропагандистская деятельность (например, практика «хождений в народ» для возбуждения недовольства крестьян властью), но к концу 70-х годов был отмечен значительный рост случаев применения террористических методов.

Государство же принимало ответные меры с целью не допустить дестабилизации ситуации в стране. Особое внимание уделялось государственным преступлениям, которые совершались террористами. В 1871 г. дознание по государственным преступлениям было поручено корпусу жандармов. Министр юстиции имел право направить материалы

⁶ См.: Исаев И.А. История России: Правовые традиции. М. : ЮКИС, 1995. С. 180–182.

⁷ См.: Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Л. — М., 1926–1928. Т. 11. С. 151–169.

в суд либо принять меры к решению дела в административном порядке. В 1872 г. наиболее важные дела по государственным преступлениям были переданы на рассмотрение Особого присутствия Сената. В 1874 г. из ведения общих судов изъяли дела о «противозаконных сообществах» и участии в них, а в 1878 г. — дела о противодействии или сопротивлении властям и о покушениях на должностных лиц. Такие дела рассматривались военными судами.

Тем не менее продолжалась либерализация системы наказаний. В 1871 г. были отменены шпицрутены для ссыльных, а позже, при императоре Александре III (в 1885 г.), были вовсе отменены розги⁸.

Применялись и практические меры против антиправительственных групп. Так, упомянутые выше практики «хождений в народ» встречали серьезное противодействие со стороны государства: стоит вспомнить и о судебном процессе, получившем название «Дело о пропаганде в Империи», который велся относительно 193 обвиняемых. Но многие из них были оправданы, либо им были назначены незначительные наказания.

Руководством страны принимались и организационные меры чрезвычайного характера: введение военных судов; принятие в 1876 г. «Устава о пресечении преступлений», который в значительной мере смешивал полицейскую власть с судебной (в областях усиленной чрезвычайной охраны арест, штрафы и секвестр налагались в административном, а не в судебном порядке); временное назначение генерал-губернаторов в некоторых городах в 1879 г.; расширение полномочий сторонника жестких мер Лорис-Меликова в 1880 г., изначально занимавшего пост председателя Верховной распорядительной комиссии, а позже ставшего министром внутренних дел и фактически первым лицом в правительстве⁹.

Как отмечалось выше, к концу 1870-х годов набрала силу террористическая деятельность протестных групп. Наиболее известными инцидентами стали серия покушений на императора Александра II в период с 1878 по 1881 г., покушение Веры Засулич в

1878 г. на петербургского градоначальника Ф. Трепова, покушения в 1878 г. на киевского прокурора Котляревского, на жандармского офицера Гейкинга в Киеве, на шефа жандармов Мезенцева в Петербурге; покушения в 1879 г. на харьковского губернатора князя Кропоткина, на полицейского агента Рейнштейна в Москве, на шефа жандармов Дрентельна в Петербурге; покушение в 1880 г. на одного из вдохновителей репрессий против террористов Лорис-Меликова¹⁰.

Руководство страны было в высшей степени обеспокоено сложившейся ситуацией. П.А. Зайончковский указывает на слова П.А. Валуева, констатирующие весьма нервное и подавленное состояние Александра II¹¹.

Покушение Каракозова на императора было первой в череде многих попыток лишить его жизни. Спустя лишь год, 25 мая 1867 г., во время визита Александра II в Париж на Всемирную выставку в него выстрелил сторонник независимости Польши от России Антон Березовский. Покушение окончилось неудачей, преступник был схвачен и арестован. Примечательно, что в момент покушения в экипаже вместе с Александром II были два его сына, включая будущего императора Александра III. Очевидно, что события такого рода оказали на его взгляды значительное влияние, подталкивая к мысли об отказе от многих либеральных преобразований Александра II.

В 1879 г. в Петербурге террорист А.К. Соловьев (член террористической организации «Земля и воля», занимавшийся ранее пропагандой революционных идей среди крестьян) произвел несколько выстрелов в императора в окрестностях Зимнего дворца. Преступник, попытавшийся скрыться и стрелявший по преследовавшей его охране и прохожим, был схвачен¹². В соответствии со ст. 241 редакции 1866 г. Уложения 1845 г. преступник был приговорен к лишению всех прав состояния и смертной казни через повешение. Казнь состоялась 9 июня 1879 г.

В тот же год террористы предприняли попытку подорвать поезд, в котором ехал император, но совершили ошибку и произвели взрыв под другим поездом. В 1879 г. по-

⁸ См.: Исаев И.А. История России: Правовые традиции. С. 171–180.

⁹ См.: Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 85–90, 150–158.

¹⁰ См.: Там же. С. 71–90, 161–165.

¹¹ См.: Там же. С. 90–92.

¹² См.: Правительственный Вѣстникъ. 1879. № 116. 26 мая (7 июня). С. 1–2.

сле распада террористической организации «Земля и воля» возникли два объединения террористов – «Черный передел» и «Народная воля», которая практически сразу приступила к активным попыткам посредством терактов и покушений свергнуть верховную власть. Следующее покушение на императора произошло в феврале 1880 г.: террорист «Народной воли» С.Н. Халтурин совершил взрыв в Зимнем дворце. Погибли 11 человек, но император остался невредим. Халтурина задержали спустя два года вместе с другим террористом после убийства прокурора Стрельникова. Оба террориста были повешены в марте 1882 г.

1 марта 1881 г. император Александр II погиб в результате очередного покушения террористов «Народной воли», что потрясло всю Россию и побудило руководство страны с новым императором Александром III в главе к серии контрреформ и усилению реакционной борьбы с теми, кто мог пошатнуть устои государства. Почти все члены и руководители «Народной воли» были в течение 80-х годов изобличены и либо казнены, либо осуждены на продолжительные сроки лишения свободы.

В 1881 г. было принято «Положение о мерах к ограждению государственного порядка и общественного спокойствия», которое закрепило и систематизировало все ранее сделанные изъятия из общего судебного порядка, расширив сферу деятельности военных судов, рассматривавших дела в краткие сроки. Объем прав обвиняемого в ходе такого судебного процесса был невелик. Институт мировых судей был ограничен в 1887 г. со вступлением в действие Положения о земских участковых начальниках.

Определенные ограничения последовали и в отношении гласности. В 1887 г. суду было предоставлено право закрывать двери заседаний, объявляя слушающееся дело «деликатным», «конфиденциальным» или «секретным»¹³.

Но и контрреформы не были абсолютными. Некоторые либеральные изменения происходили и в этот период. В 1885 г. была отменена публичная казнь. В 1886 г. были расширены права присяжных в процессе¹⁴.

¹³ См.: Исаев И.А. История России: Правовые традиции. С. 182–184.

¹⁴ См.: Там же. С. 206.

Подводя итог данного исследования, следует отметить, что террористическая деятельность, направленная непосредственно на уничтожение государственного строя, была одной из наиболее серьезных угроз, и по этой причине власть реагировала на нее следующим образом:

1. Правовые меры заключались в изъятии определенных категорий либо отдельных дел из ведения судов, их административном разрешении; в некоторых изъятиях из принципа гласности.

2. Организационные меры выражались в назначении на ключевые государственные посты сторонников жестких методов противодействия терроризму, а также в усилении роли военных судов.

3. Практические меры: активная борьба правоохранительных органов против террористических организаций, что выражалось в облавах, арестах.

При этом продолжались и либеральные реформы Александра II. Например, постепенно прекращалось применение телесных наказаний.

Гибель Александра II вынудила власть сменить курс и приступить к проведению консервативных изменений и усилению мер борьбы с терроризмом, которые в ходе правления Александра III практически свели на нет террористическую угрозу.

Литература

1. Бодунова О.Г. Идеино-психологические мотивы преступлений террористической направленности в России // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2007. № 2. С. 18–28.
2. Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. 513 с.
3. Исаев И.А. История России: Правовые традиции. М.: ЮКИС, 1995. 320 с.
4. Правительственный Вѣстникъ. 1879. № 116. 26 мая (7 июня). С. 1–2.
5. Приговор верховного уголовного суда // Московские ведомости. 1866. № 185 (4 сентября). С. 3.
6. Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики). Л.—М., 1926–1928. Т. 11. 858 с.
7. Таганцев Н.С. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. с дополнениями по 1-е января 1876 г. Издание второе, переработанное и дополненное. СПб.: Типография М. Стасюлевича. 1876. 736 с.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных и Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, по издан. 1866 г., и продолж. 1868 г., и всеми позднейшими дополнениями, опубликованными

ми в Сборн. правит. распор. и Правит. вестнике с разъяснением их по решениям кассационных департаментов Правительствующего Сената с приведением статей законов, на которые содержатся в уложении и уставе ссылки и алфавитным указателем. М. : Типография В. Готье. 1872. 561 с.

9. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных с приведением статей других томов свода законов, на которые сделаны ссылки и указания в этом уложении (изд. 1866 г.) (неофициальное издание). М. : Типография Шюман и Глушкова. 1867. 736 с.

«Забывтый пацифист»: В.В. Тенишев о войне, третейском суде и вечном мире

*Николаев Николай Юрьевич,
доцент кафедры истории и философии
Волжского гуманитарного института,
кандидат исторических наук
niksam@mail.ru*

В статье рассмотрены взгляды известного юриста, общественного и политического деятеля В.В. Тенишева на возможность достижения всеобщего и постоянного мира. Проанализированы предложенные им механизмы предотвращения вооруженных конфликтов — третейский суд, демократизация, кодификация международного права и разоружение. Выявлена ретроспективная оценка автором как самих межгосударственных конфликтов, так и вызывающих их причин.

Ключевые слова: война, мир, третейский суд, вечный мир, разоружение, милитаризм, миротворчество.

“Forgotten Pacifist”: Tenishev V.V. on War, Arbitration Court and Everlasting Peace

*Nikolaev Nikolay Yu.,
Assistant Professor of the Department of History and Philosophy
of the Volga Humanitarian Institute,
Candidate of Historical Sciences*

In the article are considered the views of the famous lawyer, public and political figure V.V. Tenisheva on the possibility of universal and permanent peace' achieving. Were analyzed the proposed mechanisms of the armed conflicts' prevention — the court of arbitration, democratization, codification of international law and disarmament. The retrospective estimation was revealed by the author, like both interstate conflicts and the reasons causing them.

Key words: war, peace, arbitration, eternal peace, disarmament fellowship, militarism, peace-making.

Вячеслав Вячеславович Тенишев (1878–1959) — юрист, общественный и политический деятель, сын известного ученого, филантропа и промышленника В.Н. Тенишева, был известен современникам прежде всего благодаря ряду трудов по правовой и этнографической тематике¹. В то же время совре-

менные исследователи отмечают Тенишева в ряду видных отечественных миротворцев начала XX в.² Своей известностью в паци-

¹ Тенишев В.В. Административное положение русского крестьянина. Приложение: Опекунство в русском крестьянском быту П.С. Цыпкина: Свод данных, добытых этнографическими материалами покойного кн. В.Н. Тенишева. СПб. : Тип. А.С. Суворина, 1908 ; Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск :

Тип. Л.И. Итина и Ко, 1907 ; Тенишев В.В. Избирательное право как основа представительных учреждений. Брянск : Тип. Л.И. Итина и Ко, 1906.

² Илюхина Р.М., Сдвижков Д.А. Российский пацифизм и западное миротворчество в начале XX в. (Становление и деятельность российских обществ мира) // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М. : ИВИ РАН, 1997. С. 180 ; Павлова Т.А. Исторические судьбы

фистской среде он был обязан прежде всего написанной в 1909 г. работой «Вечный мир и международный третейский суд». В ней Тенишев достаточно пространно размышлял о природе военных конфликтов, перспективе установления вечного мира и механизмах использования третейского суда³.

Уже в предисловии к данной книге автор определял свое негативное отношение к межгосударственным конфликтам и милитаризму. «Войны и вооружения народов, — писал он, — обременяют население всех стран тяжестью личной военной службы и подрывают государственное хозяйство непосильным обложением, без всякого разумного основания и без действительной практической необходимости»⁴. Рассматривая войны как историческое явление, Тенишев выделял ряд причин, способствовавших их возникновению. Основной психологической причиной межгосударственных конфликтов он считал «признание их допустимости, господствовавшее во все эпохи человеческой истории»⁵. Помимо базовых психологических оснований, войны вызывали и «конкретные исторические причины». Их Тенишев считал «наиболее существенными, ближайшими причинами всех войн, возникавшими в истории». К числу самых важных «конкретных исторических причин» он причислял процесс заселения земли человечеством, что вызвало борьбу за ресурсы и территории⁶. Одним из политических проявлений этой борьбы автор называл колониальные завоевания. При этом Тенишев фактически оправдывал колониальную экспансию великих держав, рассматривая ее через призму культурного просвещения и победы европейской цивилизации над варварством⁷.

Кроме расселения и колонизации, к причинам межгосударственных столкновений автор причислял и явления «идейного характера». В период Средневековья и раннего Нового времени к таковым относились религиозные конфликты (Крестовые похо-

ды, борьба протестантов и католиков и пр.)⁸. В XVIII — начале XIX в. началось противостояние «политических идей», проявлявшееся прежде всего в виде революций и последовавших затем наполеоновских войн⁹. Третий вид идейных конфликтов — национальные войны. Их возникновение Тенишев связывал с реакцией покоренных народов Европы на завоевания Наполеона, в ходе которых возникло «народное самосознание»¹⁰. К последней, отдельной категории войн автор относил конфликты, вызванные династическими спорами, а также интересами отдельных лиц или политических кругов¹¹.

Таким образом, резюмировал автор, война не являлась неизбежным общественно-политическим явлением, имманентной «чертой человеческого характера». Она носила объективный характер и объяснялась рядом причин социокультурного, экономического и политического характера. Однако по мере исторического развития межгосударственных конфликты становились несовместимы с возрастающим чувством человеческой солидарности, прогрессом нравственности и распространением культуры. С начала Нового времени большая часть исторических причин, вызывавших войны, либо уже исчезли, либо их масштаб и влияние на международные отношения заметно уменьшились. Постепенно, но верно их место стали занимать мирные способы разрешения межгосударственных споров как более эффективные, гуманные и продиктованные общим цивилизационным прогрессом¹².

Крайне негативно автор оценивал воздействие войн и сопровождавшей их гонки вооружений на экономику и состояние культуры. Межгосударственные столкновения второй половины XIX в. представляли собой не только собственно боевые действия, но и длительную подготовку к ним, которая, приняв самостоятельную форму, стала настоящим бедствием для народного хозяйства¹³. Кроме того, гонка вооружений и призывная система оказывали колоссальное негативное воздействие на «духовный склад населения». Обучение солдатскому

русского пацифизма // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 29.

³ Тенишев В.В. Вечный мир и международный третейский суд. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1909. С. 127.

⁴ Там же. С. V.

⁵ Там же. С. 1.

⁶ Там же. С. 2–3.

⁷ Там же. С. 5.

⁸ Там же. С. 6–7.

⁹ Там же. С. 7–8.

¹⁰ Там же. С. 8–10.

¹¹ Там же. С. 10.

¹² Там же. С. 11–12.

¹³ Там же. С. 13.

ремеслу требовало, помимо знания ружейных приемов и тактической выучки, известной эмоционально-психологической «перековки» новобранца. Рекрут превращался в своеобразную «машину для убийства», в нем подавлялась всякая жалость к противнику. В результате происходил акт психологического насилия, подаваемый в благопристойной «обертке» военной дисциплины¹⁴. В случае развязывания военных действий социально-экономические и политические последствия милитаризма многократно усиливались. Нехватка в промышленности и сельском хозяйстве рабочих рук вследствие мобилизации и боевых потерь, остановка внутренней и внешней торговли, падение котировок ценных бумаг и разорение их собственников, инфляция, бюджетный дефицит, падение уровня жизни, снижение покупательской способности населения, безработица, обнищание и, наконец, голод в тех государствах, которые оказались неспособны обеспечить себя продовольствием в продолжительный срок, — автор рисовал поистине апокалипсическую картину социально-экономических бедствий, которые обрушились бы на страны, решившиеся начать войну в начале XX в.¹⁵

Подробно Тенишев рассматривал мирные способы разрешения международных разногласий. К числу таковых он относил посредничество, международные следственные комиссии и международный третейский суд¹⁶. В начале Нового времени, с появлением национальных государств и установлением в международных отношениях системы «равновесия сил», мирные средства разрешения конфликтов на какое-то время практически исчезли из юридического обихода. Однако, происходившее в этот период государственно-национальное строительство, по мнению Тенишева, с лихвой компенсировало временный отход от практики международного третейского суда. «Не надо забывать, — писал он, — что само объединение крупных держав было важным прогрессом с точки зрения того же идеала, так как благодаря ему совершенно умиротворились огромные территории, прежде объятые непрерывным пламенем борьбы между мелкими царьками, на общем

фоне которой третейские суды были почти незаметны»¹⁷.

Упрочнению мира, по утверждению автора, способствовали договоры о постоянном третейском суде, которые подписывали между собой отдельные государства. Наиболее активно подобные соглашения заключались на рубеже XIX–XX вв. странами Западного полушария¹⁸. Третейское разбирательство внедрялось в международную практику и посредством политического миротворчества. Например, важнейшим итогом работы первой Гаагской мирной конференции 1899 г. стало создание арбитража, который признавался «наилучшим средством для разрешения споров юридического свойства, в особенности касающихся толкования и применения международных конвенций»¹⁹.

К сожалению, сетовал Тенишев, из-за сопротивления представителей Германии не удалось сделать третейский суд обязательным, однако его постоянный характер сам по себе уже являлся «важнейшим результатом» конференции. Учреждение арбитража, если и не уничтожало саму возможность возникновения вооруженных конфликтов, то в значительной степени их предотвращало²⁰. Причиной провала в Гааге (как в 1899 г., так и в 1907 г.) идеи разоружения автор также связывал с недостаточным распространением третейского суда и посредничества. «Нельзя верить, — указывал Тенишев, — в саму возможность разоружения до тех пор, пока не будут поставлены на твердую почву мирные средства разрешения международных столкновений»²¹.

Именно третейский суд, как считал автор, являлся на рубеже XIX–XX вв. наиболее эффективным средством недопущения военных конфликтов или же в случае начала действенным механизмом их прекращения. В этих условиях большое значение автор придавал организации эффективной структуры и практики судопроизводства современного ему арбитража²². Идеальной формой третейского разбирательства, по мнению Тенишева, стал бы его постоянный

¹⁴ Там же. С. 14–17.

¹⁵ Там же. С. 18–20.

¹⁶ Там же. С. 22–25.

¹⁷ Там же. С. 33.

¹⁸ Там же. С. 55–59.

¹⁹ Там же. С. 59–62.

²⁰ Там же. С. 62–64.

²¹ Там же. С. 66.

²² Там же. С. 73–97.

и обязательный характер. Международная безопасность была гарантирована лишь при условии, что арбитраж будет доступен «всегда и во всякое время». Не менее важным автор считал обязательность третейского суда в случае невозможности разрешения конфликта политическими средствами. Добровольный характер правового регулирования межгосударственных столкновений всегда будет «искушать» правительства разрешать возникающие противоречия силовым путем, а значит, международный мир и безопасность в таком порядке судопроизводства никогда не будут гарантированы. Лишь строго обязательный характер суда превратил бы его в безусловный моральный и юридический авторитет²³.

Тенишев энергично доказывал универсальность третейского суда как средства разрешения политических споров. Он критиковал тех исследователей, что выводили некоторые виды военных конфликтов из правового пространства арбитража. Например, вопросы, затрагивавшие честь, целостность и независимость государства, было принято разрешать исключительно насильственным путем. В свою очередь Тенишев полагал, что подобные проблемы вполне было способно урегулировать справедливое третейское разбирательство²⁴. Кроме того, часть из этих вопросов к началу XX в. утратила прежнюю актуальность. Так, покушения агрессивных соседей на территориальную целостность государства, по мнению Тенишева, были уже невозможны в силу развития «принципа национальностей» и эволюции международного права, гарантировавшего, в частности, нейтралитет малых государств²⁵. Сложившаяся к концу XIX в. практика мирного урегулирования приграничных конфликтов и распространившееся повсеместное уважение к государственному суверенитету и независимости превращали войны в устаревший и неэффективный способ разрешения межгосударственных разногласий²⁶.

Отдельно Тенишев рассматривал вопрос о мерах принуждения, которые находились бы в распоряжении международной суда для обеспечения выполнения его

решений. Данную проблему он рассматривал как достаточно надуманную, указывая, что уже юридические прецеденты XIX в. не давали оснований опасаться неисполнения судебных постановлений²⁷. Использование внешней принудительной силы Тенишев считал нежелательным и даже вредным ограничением государственного суверенитета, которое, несомненно, будет встречено правительствами враждебно. Повсеместное уважение к закону должно было стать единственным и наиболее действенным обеспечением международного правового порядка и арбитражных решений²⁸.

Наконец, Тенишев рассматривал и общие условия всеобщего умиротворения и упрочнения системы международного правосудия. К их числу он относил установление демократического строя, разоружение и кодификацию международного права. Демократия, считал автор, объективно способствовала обеспечению мира, так как представительное правление, завися от народа, не злоупотребляло своей властью для проведения агрессивной политики. Поскольку повсеместное установление демократического режима, оптимистично полагал Тенишев, дело «недалекого будущего», нет никакой необходимости прибегать к каким-либо принудительным мерам и требовать от государств подчинять свой «внутренний режим международным обязательствам»²⁹.

Не менее важным требованием для установления всеобщего и постоянного мира был процесс разоружения. Тенишев считал, что милитаризм представлял собой явление преимущественно внутреннего порядка, в отличие от войны, бывшей частью международных отношений. Однако в качестве системы вооруженного мира милитаризм был тесно связан с войной, представляя собой этап ее подготовки. Следовательно, расширение практики международного судопроизводства и установление «глубокого, нерушимого мира» привели бы к естественному исчезновению милитаризма как фактора внутривнутриполитической жизни. Впрочем, автор допускал, что не все страны сразу согласятся на обязательный арбитраж, кроме того, наличие больших армий будет по-прежнему служить искушением для реализации завое-

²³ Там же. С. 98–99.

²⁴ Там же. С. 99–100.

²⁵ Там же. С. 102.

²⁶ Там же. С. 101–102.

²⁷ Там же. С. 104.

²⁸ Там же. С. 104–105.

²⁹ Там же. С. 106.

вательных планов. Для недопущения подобной агрессивной политики он предлагал заключить общее соглашение, в котором следовало зафиксировать известный минимум вооруженных сил для каждой страны-подписанта, а также сроки выполнения данного договора. Международный контроль за процессом разоружения Тенишев считал излишним, а возможные его нарушения предлагал выносить на усмотрение все того же третейского суда³⁰.

Важное значение для арбитража играла кодификация международного права, которая должна была в будущем стать также фундаментом более широкого правового сотрудничества. В то же время отметим, что Тенишев всячески избегал говорить о возможном политическом объединении стран и народов, т.е. о создании международной организации. Кодификация должна была охватить прежде всего сферы торгового права, гражданского состояния, единой монетной системы, общих мер и весов. Вместе с тем работа третейского суда, по мнению автора, могла опереться и на отдельные межгосударственные соглашения, нормы обычного международного права (обычай) и даже на «интуитивные убеждения». Следовательно, в отличие от разоружения и демократизации кодификация международного права в деле установления всеобщего мира имела вспомогательное значение³¹.

Подводя итоги, следует признать, что Тенишев остался в истории отечественного антивоенного движения, по сути, как автор одной работы по миротворческой тематике, однако этот факт не умаляет ее значения, а также известной оригинальности высказанных в ней идей. В целом книга «Вечный мир и международный третейский суд» носила научно-популярный характер и во многом представляла собой компиляцию сочинений известных отечественных и зарубежных миротворцев и правоведов рубежа XIX–XX вв. (И.С. Блиоха, А. Мериньяка, М. Ревона, М.А. Таубе, Ф.Ф. Мартенса и пр.). Однако отдельные предложения, высказанные автором,

привлекают внимание новизной и искренней верой в практическое достижение всеобщего умиротворения. Очевидно, что миротворческая концепция автора строилась исключительно вокруг идеи международного третейского суда, который выступал панацеей буквально ото всех препятствий и угроз, мешавших установлению всеобщего мира. Остальные средства борьбы с военными конфликтами, как, например, кодификация международного права, развитие сотрудничества и человеческой солидарности и даже разоружение, им откровенно недооценивались. Отдельные мысли Тенишева заметно контрастировали со взглядами современных ему миротворцев. В частности, он достаточно скептически относился к попыткам гуманизировать военные действия. Фактически одобрял Тенишев и колониальные захваты, рассматривая их как проявление цивилизационной миссии ведущих мировых держав. Вызывают удивление романтизм и некоторая наивность автора относительно перспектив демократизации человечества, которую он считал не только исторически неизбежной, но и весьма близкой по достижению.

Литература

1. Илюхина Р.М., Сдвижков С.Д. Российский пацифизм и западное миротворчество в начале XX в. (Становление и деятельность российских обществ мира) // Долгий путь российского пацифизма: Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 179–201.
2. Павлова Т.А. Исторические судьбы российского пацифизма // Вопросы истории. 1999. № 8. С. 28–42.
3. Тенишев В.В. Административное положение русского крестьянина. Приложение: Опека в русском крестьянском быту П.С. Цыпкина: Своды данных, добытых этнографическими материалами покойного кн. В.Н. Тенишева. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1908.
4. Тенишев В.В. Вечный мир и международный третейский суд. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1909.
5. Тенишев В.В. Избирательное право как основа представительных учреждений. Брянск: Тип. Л.И. Итина и К°, 1906.
6. Тенишев В.В. Правосудие в русском крестьянском быту. Брянск: Тип. Л.И. Итина и К°, 1907.

³⁰ Там же. С. 106–107.

³¹ Там же. С. 107–109.

Деятельность Брянского революционного трибунала в 1918–1922 гг.

*Лобырева Наталья Сергеевна,
аспирант кафедры теории,
истории государства и права и философии
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)
lobyreva_n@mail.ru*

В настоящей статье на основе архивных материалов исследуются проблемы организации и деятельности Брянского революционного трибунала в 1918–1922 гг. Автором приводятся примеры правоприменительной практики в рассматриваемый период.

Ключевые слова: революционные трибуналы, Брянский революционный трибунал, судебная система.

Activity of the Bryansk Revolutionary Tribunal in 1918–1922

*Lobyreva Natalya S.,
Postgraduate Student of the Department of Theory,
History of State and Law and Philosophy
of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation*

In this article based on the archival materials investigates the problem of organization and activity of the Bryansk revolutionary Tribunal in 1918–1922. The author provides examples of enforcement practices during the reporting period.

Key words: revolutionary tribunals, Bryansk revolutionary Tribunal, justice system.

Революционные трибуналы в России были созданы в соответствии с Декретом о суде № 1. Они «рассматривали дела, связанные с преступлениями против советской власти, саботажем и другими злоупотреблениями чиновников, промышленников и торговцев»¹. 5 декабря 1917 г. революционный трибунал был организован в Москве, в конце декабря 1917 г. революционные трибуналы появились в Уральской области и Омской губернии². В январе 1918 г. революционный трибунал был создан в Курской и Орловской губерниях³.

Решение о создании в Брянске революционного трибунала было принято Брян-

ским уездным комитетом РСДРП(б) 30 декабря 1917 г. Фактически он был сформирован 17 марта 1918 г.⁴ Необходимость организации революционного трибунала в Брянске была обусловлена значимостью и важностью промышленного города, а также его непосредственной близостью к государственной границе.

В докладе от 6 октября 1918 г. председатель революционного трибунала И.Е. Перевезев отмечал, что Брянск всегда являлся по своему географическому положению центром целого района как в экономическом, так и в политическом отношении. Города и их уезды, входившие в состав Брянского промышленного района, находились далеко от губернского Орла: отдаленность Севска составляла 260 верст, Трубчевска — 285 верст, Дмитровска — 245 верст, Почеп — 240 верст, Мглина — 200 верст. Поэтому дела этих уездов направлялись в Брянский революционный трибунал. Орловский губернский революционный трибунал в информационном сообщении

¹ Бабенко В.Н. Судебная система России: история и современность. М., 2007. С. 156.

² См.: Пивовар А.В. Репрессивная политика большевиков в провинции в годы гражданской войны (на примере Курской губернии) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2006. № 6. Ч. 3. С. 270–271.

³ См.: Колотков М.Б. Революционные трибуналы Советской России в 1917–1922 гг.: организационное строительство и правовая деятельность (на примере Курской губернии) // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 8. С. 68–74.

⁴ См.: Государственный архив Брянской области (далее — ГАБО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 32. Л. 163–164.

№ 1074 от 8 апреля 1919 г. подтвердил распространение подведомственности Брянского революционного трибунала на вышеуказанные уезды⁵.

Большое значение имело железнодорожное узловое положение г. Брянска. В нем пересекались линии Риго-Орловской, Московско-Киево-Воронежской и Польской железных дорог, которые вели к границам государства. В связи с этим значительно увеличивалось количество преступлений, подлежащих рассмотрению в революционном трибунале.

Несмотря на ежедневный рост количества дел, заседания сессий революционного трибунала в Брянске проходили 3–4 раза в месяц. Революционный трибунал рассматривал дела в составе председателя и двух народных заседателей. Председатель революционного трибунала избирался по постановлению уездного исполнительного комитета на три месяца. Секретарь назначался председателем. Заседатели избирались также уездным исполкомом, преимущественно из состава рабочих.

С 17 марта по 25 ноября 1918 г. Брянским революционным трибуналом было возбуждено 659 дел, было рассмотрено в судебных заседаниях — 358 дел, прекращено — 103 дела, осталось в производстве — 198 дел. По характеру преступления они распределялись следующим образом: саботаж — 20 дел, неподчинение советской власти — 45 дел, расхищение народного достояния — 410 дел, торговля спиртом — 42 дела, «самочинные» обыски — 7 дел, пьянство — 44 дела, хранение оружия — 8 дел, преступления по должности — 50 дел, поджог — 1 дело, самосуд — 6 дел, разбой — 4 дела, спекуляция — 10 дел, контрреволюция — 10 дел, убийство — 1 дело, грабеж — 1 дело.

По возбужденным делам 196 человек были привлечены в качестве обвиняемых. К определению меры наказания революционные трибуналы подходили достаточно лояльно. Из общего количества обвиняемых к тюремному заключению было приговорено 17 человек, к тюремному заключению с обязательными общественными работами — 60 человек, к общественному порицанию — 31 человек, к штрафу — 88 человек⁶.

Брянский революционный трибунал нередко выносил не мотивированные и не определенные по содержанию приговоры. В связи с этим кассационный отдел ВЦИК письмом № 677 от 3 марта 1919 г. разъяснил порядок вынесения постановлений и приговоров и предложил их примерные формы⁷. Приговоры должны были выноситься большинством голосов судебной коллегии, особые мнения членов судебной коллегии прилагались к приговору, но не оглашались. Запасные члены трибунала и секретарь в совещательную комнату во время совещания суда не допускались. В приговоре точно и определенно должно было указываться деяние, в котором обвинялся подсудимый, а также мера наказания. После вынесения приговора председатель трибунала обязан был разъяснить подсудимому порядок обжалования приговора.

Революционному трибуналу были подсудны дела о контрреволюционных преступлениях, дискредитации советской власти, крупных должностных и других особо опасных преступлениях. Нередко возникали случаи рассмотрения неподсудных революционному трибуналу дел. Поскольку выборы местных судей во многих городах, включая Брянск и Бежицу, прошли на несколько месяцев позднее, чем выборы членов трибуналов, в первые годы функционирования Брянского революционного трибунала им рассматривались уголовные и гражданские дела о мелких бытовых преступлениях⁸. Например, в связи с рассмотрением дел о погромах Циркуляром № 293 от 27 января 1919 г. Орловский уездный исполнительный комитет сообщил Брянскому революционному трибуналу, что дела о погромах, совершенных до Октябрьской революции, а также во время ее в тех местностях, где Советская власть еще не была установлена, подлежали прекращению. В том случае, если дела о погромах носили политический характер и были направлены против строительства советской республики, они подлежали рассмотрению в революционном трибунале, в остальных

⁷ См.: ГАБО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4. Л. 11.

⁸ См.: Павлей Р.А. Из истории Брянского революционного трибунала // Образование и наука: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 августа 2015 г. Т. 4. Тамбов, 2015. С. 134–136.

⁵ См.: ГАБО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4. Л. 28.

⁶ См.: ГАБО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 4. Л. 163–165.

случаях такие дела были подсудны местному народному суду⁹.

В связи со сложной политической и экономической обстановкой органы государственной власти предпринимали меры по устранению конфликтных ситуаций правовыми, внеправовыми, судебными и внесудебными способами¹⁰. В соответствии с Положением ВЦИК о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 г. их количество существенно сокращалось. Как отмечает В.Н. Бабенко, «они могли создаваться только при губернских советах, а также в городах, численность населения которых превышала 200 тыс. человек»¹¹. Однако подсудность данных органов значительно расширилась. По мнению В.П. Портнова и М.М. Славина, революционные трибуналы фактически могли принимать к своему производству любое дело, содержащее признаки контрреволюции или имеющее политическое значение¹².

В связи с этим количество дел, поступивших в революционные трибуналы в 1919 г. увеличилось. Брянским революционным трибуналом в 1919 г. из 987 дел было рассмотрено 229 дел, передано в следственную комиссию для предварительного следствия — 264 дела, прекращено — 347 дел, передано в народные и другие суды — 107 дел, передано для доследования — 25 дел, остались не рассмотренными — 25 дел¹³.

В 1920 г. Брянский революционный трибунал рассмотрел 852 дела, из которых 305 дел относилось к должностным преступлениям, 92 дела — к контрреволюционным преступлениям, 455 дел — к спекуляции и иным преступлениям. Осужденные были приговорены к следующим мерам наказания: к расстрелу — 7 человек; к лишению свободы — 176 человек, в том числе условно — 78 человек; к другим мерам наказания, включая принудительные общественные ра-

боты, штраф и общественное порицание, — 54 человека¹⁴.

В сентябре 1920 г. Кассационный трибунал при ВЦИК рекомендовал всем трибуналам республики применять расстрел лишь в исключительных случаях, что привело к смягчению в области репрессивной политики¹⁵. К высшей мере наказания в 1920 г. Брянским революционным трибуналом было приговорено 6 человек.

В Брянске в рассматриваемый период, помимо функционирования революционного трибунала, действовал отдел революционного военного трибунала Орловского военного округа, который рассматривал уголовные дела о преступлениях, совершенных военными служащими. Данный специальный орган осуществлял карательную политику государства и был наделен правом внесудебной репрессии¹⁶. Приговоры, выносимые отделом революционного военного трибунала, отличались суровостью наказаний по некоторым видам преступлений.

5 июня 1921 г. Брянским отделом революционного военного трибунала было рассмотрено дело о бандитизме Артемьева, Иванова, Лагутова, Лосманова и Дроздова, которые обвинялись в вооруженном нападении и ограблении граждан Жиздринского уезда. Судом был вынесен приговор о расстреле Иванова и Дроздова и заключении в рабочий дом Лагутова, Артемьева и Лосманова¹⁷.

Приговором от 1 июня 1921 г. Брянским отделом революционного военного трибунала высшая мера наказания была назначена 4 обвиняемым, которым вменялось в вину систематическое хищение продуктов из продуктовой базы Западного фронта¹⁸.

Возникновение и деятельность революционных трибуналов в России была связана со сложной политической обстановкой и обострением в стране классовой борьбы. Их деятельность строилась на законодательных и ведомственных нормативных правовых актах, содержащих процессуальный порядок рассмотрения и разрешения дел.

⁹ См.: ГАБО. Ф. 2515. Оп. 1. Д. 11. Л. 13.

¹⁰ См.: Рошин Б.Е. Внесудебное разрешение трудовых конфликтов в российском обществе (октябрь 1917 г. — 1920 г.): историко-правовой аспект // История государства и права. 2011. № 20. С. 18–20.

¹¹ Бабенко В.Н. Судебная система России: история и современность. С. 164.

¹² См.: Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). М., 1990. С. 80.

¹³ См.: ГАБО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 106. Л. 2.

¹⁴ См.: ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 112. Л. 12.

¹⁵ См.: ГАРФ. Ф. 1005. Оп. 2. Д. 1. Л. 294.

¹⁶ См.: Лезов И.А. Советский суд в 1917–1940 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 58.

¹⁷ См.: ГАБО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 113. Л. 12.

¹⁸ См.: Там же. Л. 14.

В связи с географическим положением Брянска создание революционного трибунала в данном городе являлось необходимым. После образования Брянской губернии был учрежден Брянский губернский революционный трибунал, который просуществовал вплоть до упразднения института революционных трибуналов в декабре 1922 г.

Литература

1. Бабенко В.Н. Судебная система России: история и современность. М., 2007.
2. Государственный архив Брянской области (ГАБО), фонд 594.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), фонды: А-353, 1005.
4. Колотков М.Б. Революционные трибуналы Советской России в 1917–1922 гг.: организационное строительство и правовая деятельность (на примере Курской губернии) // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 8.
5. Лезов И.А. Советский суд в 1917–1940 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998.
6. Павлей Р.А. Из истории Брянского революционного трибунала // Образование и наука: современное состояние и перспективы развития : сб. науч. трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 августа 2015 г. Т. 4. Тамбов, 2015.
7. Пивовар А.В. Репрессивная политика большевиков в провинции в годы гражданской войны (на примере Курской губернии) // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2006. № 6. Ч. 3.
8. Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). М., 1990.
9. Рошин Б.Е. Внесудебное разрешение трудовых конфликтов в российском обществе (октябрь 1917 г. — 1920 г.): историко-правовой аспект // История государства и права. 2011. № 20. С. 18–20.

Организационные основы деятельности водной милиции РСФСР по обеспечению экономической безопасности страны в период Гражданской войны и иностранной интервенции

*Ерин Дмитрий Александрович,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Владимирского юридического института ФСИИ России,
кандидат юридических наук, доцент
dmitry-0333@mail.ru*

В статье раскрывается специфика организации водной милиции в РСФСР. Рассматриваются вопросы становления организационной структуры, полномочия должностных лиц, направления деятельности водной милиции.

Ключевые слова: история правоохранительных органов, милиция РСФСР, водная милиция, правовое регулирование деятельности.

Framework Arrangements for Economic Security Activities of the RSFSR Water Police during the Civil War and Foreign Intervention

*Erin Dmitry A.,
Assistant Professor of the Department of State and Legal Disciplines
of the Vladimir Legal Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article deals with the specifics of the organization of the water police in the RSFSR. The issues of formation of the organizational structure, authority officials, activities of water transport militia.

Key words: history of law enforcement bodies, militia of the RSFSR, water transport militia, legal regulation of activity.

Победа Октябрьской революции в России привела к коренным изменениям в государстве. Провозглашенный большевиками курс на слом старого государственного аппарата и замена его новым, построенным на принципиально ином организационном оформлении, привели к тому, что строительство системы органов управления Советским государством пришлось начинать практически заново. В связи с этим существенное место в государственном аппарате, безусловно, отводилось органам правопорядка, в частности советской милиции. Большевики достаточно быстро отказались от первоначально задекларированной идеи всеобщего вооружения народа и наделяния его функцией охраны общественного порядка, что неоднократно отмечалось в отечественной историко-правовой литературе. На смену этому положению пришло понимание того, что революционные массы не могут обеспечить эффективную охрану порядка — эта задача может быть решена только посредством создания специального постоянного органа — советской милиции, основанного в первую очередь на профессиональной основе, задачей которого выступали охрана общественного порядка, борьба с преступностью и содействие органам Советской власти в части управления государством. В рамках указанных направлений деятельности существенное внимание уделялось обеспечению экономической безопасности республики.

Несмотря на то что большинство отечественных авторов подчеркивают значение ВЧК-ГПУ в обеспечении экономической безопасности государства¹, деятельность советской милиции по защите экономики Советского государства была не менее значимой. Анализ основных направлений деятельности советской милиции, полномочий ее органов управления и должностных лиц, основанных на декретах Советской власти, ведомственных актах НКВД РСФСР и иных заинтересованных ведомств, а также должностных инструкций различных ка-

тегорий сотрудников милиции² позволяет утверждать не только о ведущей роли советской милиции в сфере охраны общественного порядка и борьбы с преступностью, но и о ключевой роли в становлении всего Советского социалистического государства и защите его экономики. Это нашло отражение в работах отечественных исследователей³.

Опираясь на анализ актов, регламентирующих правовое положение советской милиции, можно утверждать, что вопросам организации деятельности по обеспечению экономической безопасности РСФСР придавалось достаточно большое значение. Не случайно для решения задач по защите экономических интересов страны в рамках охраны общественного порядка, борьбы с преступностью в системе РКМ НКВД РСФСР были созданы специализированные структуры, основными задачами которых выступали охрана общественного порядка и борьба с преступностью в наиболее важных отраслях хозяйства страны — промышленности и транспорте. Эта деятельность возлагалась на промышленную, железнодорожную и водную (речную) милицию.

Организация и деятельность промышленной и железнодорожной милиций достаточно подробно освещена в отечественной историко-правовой литературе⁴, тогда как организационно-правовые основы деятельности водной милиции по тем или иным причинам не получили широкого и подробного освещения либо ограничивались ис-

¹ Например: Мозохин О.Б. ВЧК — ОГПУ — НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы. М.: Алгоритм, 2016; Яковец Е.Н. Организационно-правовая защита государственной тайны в СССР в период первых пятилеток и подготовки к войне // История государства и права. 2016. № 1. С. 3–8.

² Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства (далее — СУ РСФСР). 1918. № 75. Ст. 813; СУ РСФСР. 1919. № 13. Ст.133; СУ РСФСР. 1919. № 5. Ст. 46, 47, 48 и др.

³ Например: Мулукаев Р.С. Организационно-правовые основы становления Советской милиции (1917–1920 гг.): учеб. пособие. М., 1975; Органы и войска МВД России. Краткий исторический очерк. М., 1996; Советская милиция: история и современность. М., 1987; Органы внутренних дел России. Т. 2. М., 2002; Степанов М.М. Деятельность милиции России по охране общественного порядка в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // История государства и права. 2016. № 17. С. 36–40.

⁴ Например: Ерин Д.А. Промышленная и ведомственная милиция РСФСР (1919–1929 гг.): опыт формирования и деятельности. Владимир, 2013; Литвинов Н.Д. Становление рабоче-крестьянской железнодорожной милиции РСФСР в 1917–1921 годах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982; Мулукаев Р.С. Указ. соч. и др.

следованиями в рамках отдельных регионов страны⁵.

В 1918 г. обязанности по охране общественного порядка на объектах речного и морского транспорта возлагались на Главное управление водного транспорта при ВСНХ РСФСР, в ведении которого находилось управление всеми видами водного транспорта в республике. Национализация торгового речного и морского флота, завершившаяся к началу навигации 1918 г. практически во всех районах страны, и переход всей речной и морской инфраструктуры под контроль государства обусловили необходимость создания в системе советской милиции специальной службы для борьбы с преступностью и охраны революционного порядка на речных и морских путях сообщений. Необходимость создания специального органа, осуществляющего охрану общественного порядка на водном транспорте, была воплощена в Декрете СНК РСФСР от 25 июля 1918 г. «Об учреждении речной милиции», который предполагал формирование специальной милиции для охраны водных путей сообщений вместо существовавшей военизированной судоходной охраны Главвода.

На основании декрета был разработан проект Положения о речной милиции, в котором достаточно подробно раскрывались статус речной милиции, структура, порядок подчинения, полномочия должностных лиц, направления деятельности. В проекте указывалось, что новый вид милиции организуется для «...поддержания порядка и организации безопасности граждан на водных путях сообщений и в целях охраны водных путей и сооружений для пользования ими (пристаней, набережных, бечевников, переправ и т.д.), а также для охраны складов, буртов, ссыпок, элеваторов, а равно для содействия судоходству и технадзору, охраны продовольственных грузов и борьбы с мешочничеством»⁶. Вместе с тем, несмотря на значительную подготовительную работу по вопросам регламентации организационных и правовых форм деятельности мили-

ции на водном транспорте, создание речной и морской милиции было отложено, что объясняется объективными обстоятельствами.

К началу 1919 г. стало очевидно, что отсутствие надежной охраны правопорядка на водном и железнодорожном транспорте, неспособность Главвода и его структур обеспечить надежную охрану судов, имущества, перевозимых грузов и иных объектов речной и морской инфраструктуры, а также практика строительства общей и уголовно-розыскной милиции РСФСР выявили обоснованную и скорейшую необходимость формирования специального органа, обеспечивающего охрану общественного порядка и осуществляющего борьбу с преступностью на транспорте. Кроме того, в условиях Гражданской войны и интервенции В.И. Ленин подчеркивал, что «...для ведения войны по-настоящему необходим крепкий организованный тыл», одним из условий обеспечения которого была концентрация всех сил и средств для поддержания твердого правопорядка на водном транспорте⁷.

По мере укрепления Советской власти и продолжения строительства государственного аппарата практически параллельно с организацией железнодорожной и промышленной милиции с начала 1919 г. в структуре советской милиции началась активная работа по формированию аппаратов речной милиции. Одновременно происходило постоянное совершенствование проекта Положения о речной милиции. Опираясь на опыт функционирования общей милиции и уголовного розыска, в проект было включено дополнение об организации в структуре речной милиции и уголовно-розыскных подразделений на водном транспорте⁸.

23 апреля 1919 г. был принят Декрет «О речной советской рабоче-крестьянской милиции»⁹, ставший основой для начала реальной организации речной и морской милиции (впоследствии получившей наименование водной) в РСФСР, которая развернулась со второй половины 1919 г.

Опыт организации и деятельности речной милиции в период 1919 г. показал, что закрепленная структура не отвечает предъявляемым требованиям эффективной борьбы с преступ-

⁵ Например: Радьков А. Охрана Нижегородского водного района в 1920–21 гг. URL: <http://statehistory.ru/5228/Okhrana-Nizhegorodskogo-vodnogo-rayona-v-1920-1921-gg/>

⁶ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-393. Оп. 6. Д. 2. Л. 62.

⁷ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 408.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 6. Д. 4. Л. 106–108.

⁹ Собрание узаконений РСФСР. 1919. № 18. С. 213.

ностью. Построение аппаратов водной (речной и морской) милиции по территориальному принципу было признано не эффективным. Таким образом, нельзя не согласиться с общепризнанным мнением отечественных исследователей, что первоначально установленный территориальный принцип построения и подчинения аппаратов водной (речной и морской) милиции оказался неудачным и впоследствии был заменен на линейный.

Необходимо отметить, что организационные формы речной и морской милиции строились в первую очередь с учетом естественно-географических и экономических условий, связанных с водными бассейнами крупных российских речных систем. На основании приказа № 3 по речной и морской милиции РСФСР от 25 февраля 1920 г. вся речная и морская милиция в Европейской России объединялась в семь областей речной и морской милиции — Северо-Российская, Балтийско-Мариинская, Средне-Российская, Волжская, Днепровско-Двинская и Донская, Азово-Черноморская¹⁰.

Безусловно, несмотря на все положительные стороны, первоначальная структура речной и морской милиции также не стала совершенной и впоследствии подвергалась корректировке. Например, Азово-Черноморская область речной и морской милиции включала в себя все порты и города Черного и Азовского морей¹¹, что во многом усложняло систему руководства не только районами, но и отдельными участками.

Процесс становления речной и морской милиции в масштабах РСФСР проходил в условиях Гражданской войны, и соответственно, формирование милиции происходило постепенно по мере завершения боевых действий на конкретной территории. Например, по состоянию на 1 марта 1920 г. в Северо-Российской области речная и морская милиция была сформирована только в одном районе — Вологодском, тогда как в двух районах — Архангельском и Беломорском и в Азово-Черноморской области к формированию не приступали. Во всех других областях Европейской территории России боевые действия были завершены, и речная и морская милиция считалась организованной¹².

Необходимо констатировать, что процесс становления речной и морской милиции в течение января — марта 1920 г. характеризовался деятельностью руководства НКВД РСФСР по разработке правовых актов, регламентировавших все аспекты организации и функционирования этого вида советской милиции. В первую очередь возникла объективная необходимость закрепить правовой статус всех уровней системы управления речной и морской милиции, так как от организации аппарата управления, четкого распределения полномочий, системы иерархии, взаимосвязи и взаимодействия отдельных элементов системы во многом зависит эффективность деятельности всех подразделений.

Уже в первые месяцы 1920 г. эволюция становления аппаратов советской милиции на водном транспорте выявила необходимость внесения корректировок в официальное наименование этого вида советской милиции. Приказом по речной и морской милиции № 9 от 7 апреля 1920 г. было запрещено использовать термин «морская» применительно к участкам и районам, не имеющим морского побережья.

Итогом разработки актов, регламентирующих особенности правового положения управлений речной и морской милиции, стала утвержденная весной 1920 г. приказом № 5 по речной и морской милиции «Инструкция по организации областных, районных и участковых управлений и круг их обязанностей». В инструкции закреплялись организационные и правовые формы речной и морской милиции. Общее руководство речной и морской милицией, а также уголовным розыском возлагалось на заведующего областным управлением.

Областное управление наделялось следующими полномочиями: организация районных управлений, утверждение районных и участковых границ, а также общее руководство всеми аппаратами речной и морской милиции в пределах конкретной области, организация взаимодействия с областными управлениями водного транспорта, наблюдение за исполнением приказов, циркуляров и распоряжений вышестоящих органов, инспектирование участковых управлений, командование всеми сформированными на территории области частями речной и морской милиции, организация курсов для под-

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 23. Д. 52. Л. 2.

¹¹ Там же.

¹² Там же. Л. 3.

готовки сотрудников. Структурно областное управление состояло из трех отделов (подотделов) — административно-организационного, снабжения и уголовно-розыскного. Структура и полномочия районных управлений были практически аналогичны областным и закрепляли руководство речной и морской милицией в пределах района.

Основным звеном, непосредственно осуществляющим выполнение всех полномочий и функций, возлагаемых на водную милицию, выступало участковое управление, что было прямо закреплено в перечне предметов ведения. На участковое управление возлагались: охрана обоих берегов рек, входящих в участок, охрана всего участка, безопасность движения, пристаней и гидротехнических сооружений; наблюдение за исполнением приказов по милиции, постановлений НКПС, Главвода и других полномочных учреждений о судоходстве и порядке на пристанях и судах, деятельность по оказанию помощи и реализации распоряжений ответственных сотрудников Главвода, политический надзор¹³.

Важнейшим элементом правовой регламентации полномочий сотрудников речной и морской милиции являлись Инструкция работникам водной милиции, утвержденная приказом от 10 марта 1920 г., Инструкция милиционерам, утвержденная приказом по водной (речной и морской милиции) от 15 марта 1920 г. и Инструкция о порядке в гаванях¹⁴. В них подробно регламентировались обязанности начальников участков, их помощников, старших милиционеров и рядовых сотрудников речной и морской милиции, а также особенности организации и несения службы по охране общественного порядка в местах стоянки речных и морских судов.

Анализ актов, регулировавших функционирование водной милиции, а также должностных обязанностей сотрудников всех уровней, позволяет выявить три группы основных направлений деятельности, реализуемых с учетом специфики конкретного вида советской милиции. Во-первых, охрана основ советского государственного и общественного строя. Это подразумевало деятельность по предупреждению и пресечению нарушений порядка, установ-

ленного Советской властью, наблюдение за исполнением всех декретов, постановлений и распоряжений органов Советской власти, а также оказание им содействия. Во-вторых, в условиях отсутствия соответствующих мер принуждения у большинства должностных лиц и обязанности милиции оказывать содействие всем органам Советской власти водная милиция оказывала содействие сотрудникам промыслового и рыболовного надзора, сотрудникам санитарного, ветеринарного и врачебного надзора.

С учетом специфики инфраструктуры речного и морского транспорта и особенностей организации судоходства на речную и морскую милицию возлагались: наблюдение за безопасностью судоходства, соблюдение противопожарных и иных правил стоянок судов в зимний период, наблюдение за безопасностью движения по водным путям во время навигации, наблюдение за соблюдением санитарных правил на судах и пристанях, наблюдение за погрузкой и разгрузкой судов, за ловлей рыбы и т.д.¹⁵ Приказ водной (речной и морской милиции) № 13 от 27 апреля 1920 г. доводил до сведения сотрудников инструкцию «О судах, перевозящих нефть» и обязывал сотрудников осуществлять контроль за соблюдением требований к содержанию судов, противопожарной безопасности, охране во время следования, контроль за осуществлением погрузки-разгрузки, инструкцию «О перевозке скота, кож, костей...», закрепляющую особенности организации санитарного и ветеринарного контроля, и т.д.¹⁶

Таким образом, круг обязанностей и основные направления деятельности, возложенные на водную милицию, позволяют говорить о непосредственном участии советской милиции в деятельности по обеспечению экономической безопасности республики.

Существенное влияние на процесс формирования и функционирования водной милиции РСФСР оказал Декрет СНК «О советской рабоче-крестьянской милиции», принятый 3 апреля 1919 г. Все подразделения водной милиции объединялись на основе армейской структуры, которая позволяла в случае привлечения милиции к участию в бо-

¹³ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 23. Д. 52. Л. 8.

¹⁴ Там же. Л. 10, 11, 13.

¹⁵ Там же. Л. 10.

¹⁶ Там же. Л. 23.

евых действиях, наиболее эффективно осуществлять управление силами и средствами.

Обследование заведующим отделом водной милиции республики, проведенное в июле — августе 1920 г., выявило ряд значительных недостатков в деле организации и функционирования водной милиции, что было обобщено в соответствующем приказе, в котором отмечалось, что работники водной милиции недостаточно внимательно относятся к служебным обязанностям по охране водного транспорта вообще и к поддержанию общественного порядка среди проезжающих, прекращению бесконтрольного движения граждан, соблюдению санитарии на пристанях, к борьбе со спекуляцией и ко всему тому, что подрывает авторитет советской власти. Крайне негативную оценку деятельности водной милиции получили Царицынский и Астраханский районы Волжской области.

Поиск организационных форм создания единой системы, которая объединяла бы в себе все виды деятельности по охране внутреннего порядка, а также объективная невозможность даже путем военизации советской милиции обеспечить надежную охрану объектов транспортной инфраструктуры в стране обусловили необходимость создания войск внутренней охраны. Создание ВОХР привело к тому, что охрана всех путей сообщения республики передавалась в ведение начальника войск. Так, в «Инструкции по охране водных путей сообщения республики, кроме прифронтовой полосы» от 18 мая 1920 г. устанавливалось, что охрана и оборона сооружений, а также обеспечение порядка на пристанях и судах возлагается на начальника ВОХР, который командует всеми силами и средствами, включая водную милицию. Из текста инструкции становится понятно, что из ведения водной милиции изымается непосредственная охрана объектов, тогда как выполнение собственно милицейских функций остается за ней.

Таким образом, реализуя свою главную задачу, водная милиция оказывалась в двойном подчинении, с одной стороны, начальнику войск внутренней охраны, с другой — Главмилиции. Окончание Гражданской войны привело к поиску новых организационных форм обеспечения охраны общественного порядка в стране. В рамках очередной оптимизации 14 ноября 1920 г. коллегия НКВД РСФСР приняла решение о передаче с 16 но-

ября железнодорожной и водной милиции в заведование войск внутренней службы. В результате сложилась ситуация, характерная для строительства всего госаппарата после революционного периода, и в частности правоохранительной системы и вооруженных сил. С одной стороны, формально водная милиция в соответствии с Положением о рабоче-крестьянской милиции от 10 июня 1920 г., продолжала входить в состав НКВД РСФСР на правах отдела, а с другой стороны, она фактически находилась в подчинении других ведомств.

К концу 1920 г. по решению СТиО республики водная милиция передавалась в распоряжение командующего войсками внутренней службы республики (ВНУС). Это стало очередной попыткой руководства страны упорядочить систему охраны водного транспорта и найти наиболее оптимальные формы организации данной деятельности и ее сосредоточения в одной структуре¹⁷.

Исходя из того что вся деятельность по борьбе с внутренними врагами революции находилась в ведении ВЧК, руководством страны было принято решение, в очередной раз изменившее систему подчинения водной милиции, о ее передаче в подчинение войскам ВЧК. Основные положения организации войск ВЧК от 19 января 1921 г. устанавливали, что «...водная милиция состоит при войсках ВЧК» и общее управление осуществляется через управление милицией штаба войск ВЧК Республики¹⁸. Однако в первой половине 1922 г. водная милиция была ликвидирована.

Таким образом, несмотря на достаточно непродолжительный период существования и постоянные реорганизации, водная милиция смогла в целом обеспечить охрану общественного порядка и эффективно бороться с уголовной преступностью на водном транспорте, тем самым внося достаточно весомый вклад в дело защиты экономической безопасности Советского государства.

Литература

1. Внутренние войска Советской республики. 1917–1922. Документы и материалы. М., 1972.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-393. Оп. 23. Д. 52. Л. 78.

¹⁸ Внутренние войска Советской республики. 1917–1922. Документы и материалы. М., 1972. С. 252–253.

2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-393. Оп. 6. Д. 4; Оп. 23. Д. 52; Оп. 23(а). Д. 139.
3. Ерин Д.А. Промышленная и ведомственная милиция РСФСР (1919–1929 гг.): опыт формирования и деятельности. Владимир, 2013.
4. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 408.
5. Литвинов Н.Д. Становление рабоче-крестьянской железнодорожной милиции РСФСР в 1917–1921 годах : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1982.
6. Мозохин О.Б. ВЧК — ОГПУ — НКВД на защите экономической безопасности государства. 1917–1941 годы. М. : Алгоритм, 2016.
7. Мулукаев Р.С. Организационно-правовые основы становления Советской милиции (1917–1920 гг.) : учеб. пособие. М., 1975.
8. Радьков А. Охрана Нижегородского водного района в 1920–21 гг. URL: <http://statehistory.ru/5228/Okhrana-Nizhegorodskogo-vodnogo-rayona-v-1920-1921-gg/>
9. Степанов М.М. Деятельность милиции России по охране общественного порядка в годы Гражданской войны (1918–1920 гг.) // История государства и права. 2016. № 17. С. 36–40.
10. Яковец Е.Н. Организационно-правовая защита государственной тайны в СССР в период первых пятилеток и подготовки к войне // История государства и права. 2016. № 1. С. 3–8.

Генезис советского законодательства о прокуратуре

*Шобухин Владимир Юрьевич,
доцент кафедры прокурорской деятельности
Уральского государственного юридического университета,
кандидат юридических наук, доцент
vladimir.shobuhin@usla.ru*

В статье исследуется эволюция законодательства о российской прокуратуре в советский период ее развития. Отображается влияние состояния правовой базы на статус прокурорской системы, ее структуру и компетенцию, полномочия прокурорских работников. Отмечается высокий уровень конституционно-правового регулирования статуса советской прокуратуры, обосновывается вывод о необходимости использовать этот опыт в современных условиях при совершенствовании положений Конституции Российской Федерации, посвященных прокуратуре. Подробно исследуются специальные правовые акты о прокуратуре Советской России, выявляются тенденции и закономерности развития правовых основ прокурорской системы. Аргументируется вывод, что советский период деятельности органов прокуратуры примечателен взаимосвязанным усилением статуса прокурорской системы и укреплением законодательной базы их деятельности.

Ключевые слова: Советский Союз, РСФСР, прокуратура, законодательство, статус прокуратуры, функции прокуратуры, полномочия прокуроров.

Origin of the Soviet Laws on Prosecution Service

*Shobukhin Vladimir Yu.,
Assistant Professor of the Department of Prosecutorial Activities
of the Ural State Law University,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

This article examines the evolution of the legislation on the Russian Prosecutor's office during the Soviet period of its development. The impact of the legal framework for status, structure and competence of the prosecutorial system, the powers of prosecutors. There is a high level of constitutional legal regulation of the status of the Soviet Prosecutor's office, the conclusion about the necessity to use this experience in modern conditions to improve the Constitution of the Russian Federation on the Prosecutor's office. The paper examines the special legal acts on the Prosecutor's office of Soviet Russia, the trends and patterns of development of the legal basis of the Prosecutor's system. The author argues that during the Soviet period of activity of bodies of Prosecutor's office is notable for the interrelated strengthening of the status of the prosecutorial system and the strengthening of the legislative framework of their activities.

Key words: Soviet Union, RSFSR, prosecutor's office, law, status of a prosecutor's office, functions of a prosecutor's office, powers of a public prosecutor.

В истории российской прокуратуры с ее без малого трехсотлетним периодом можно выделить три основных этапа: 1722–1917 гг. (дореволюционный), 1922–1991 гг. (советский), с 1992 г. по настоящее время (современный или постсоветский). Каждый из этапов примечателен своими особенностями, которые прежде всего отражены в законодательных источниках. Даже используемый выше подход периодизации истории прокуратуры России основан в первую очередь на правовой базе. Так, мы ведем отсчет современного этапа ее развития с 1992 г., поскольку именно в 1992 г. был принят Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации», на основе положений которого организована и действует прокуратура Российской Федерации по настоящее время. Таким образом, в 2017 г. российской прокуратуре исполнится 295 лет и 25 лет — Закону «О прокуратуре Российской Федерации», что является очередным поводом обратиться к истории прокурорской системы, фундаментальную роль функционирования которой играет законодательная база.

Советский период в развитии прокуратуры нашей страны примечателен не только тем, что является непосредственно предшествовавшим современному этапу истории прокурорской системы, а следовательно, во многом определившим облик современной прокуратуры, но еще и, как нам представляется, весьма развитой законодательной базой. Правда, отметим, что одним из первых правовых документов на стадии строительства советского государства был Декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде», которым прокуратура была упразднена. До 1922 г. специального органа надзора за соблюдением законов в стране, в частности прокуратуры, не было. Надзор за законностью в той или иной мере осуществляли: Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК), Совет народных комиссаров (СНК), Рабоче-крестьянская инспекция (РКИ), Народный комиссариат юстиции (НКЮ) и его местные органы, а также ряд иных органов государственного управления. Такая рассредоточенность государственного надзора за законностью по различным ведомствам была малоэффективной и закономерно не давала ожидаемых результатов.

В конце 1921 — начале 1922 г. по инициативе В.И. Ленина НКЮ РСФСР было подготовлено и вынесено на рассмотрение сессии ВЦИК Положение о прокуратуре, которое не было воспринято однозначно. Статус вновь образуемой прокуратуры воспринимался по-разному, в частности, были сильны высказывания против централизации прокуратуры и ее независимости от местных органов власти. В итоге по результатам голосования третьей сессии ВЦИК, на которой обсуждалось Положение о прокуратуре, большинством голосов было принято решение, что прокуратура должна находиться в «двойном» подчинении, т.е., с одной стороны, подчиняться центральным органам власти, а с другой — местным. Отклонено право прокуроров опротестовывать незаконные решения местных органов власти. Однако с этим справедливо не согласился В.И. Ленин, который по состоянию здоровья не принимал участия в работе данной сессии и обратился в адрес Политбюро с письмом «О “двойном” подчинении и законности»¹. В этом письме он раскритиковал вышеуказанные положения и изложил свое видение статуса, которым должна обладать отечественная прокуратура. В.И. Ленин указывал: «В отличие от всякой административной власти прокурорский надзор никакой административной власти не имеет и никаким решающим голосом ни по одному административному вопросу не пользуется. Прокурор имеет право и обязан делать только одно: следить за установлением действительно единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям». Также он высказался за предоставление прокурорам права опротестовывать незаконные решения местных органов власти («прокурор отвечает за то, чтобы ни одно решение ни одной местной власти не расходилось с законом»). Данные идеи, высказанные В.И. Лениным, составили основу законодательного определения статуса прокуратуры советского времени.

28 мая 1922 г. было утверждено Положение о прокурорском надзоре². В соответ-

¹ Ленин В.И. ПСС. Т. 45. С. 197–201.

² Положение о прокурорском надзоре. Утверждено Постановлением 3-й сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК)

ствии с ним на прокуратуру возлагалось: а) осуществление государственного надзора за законностью действий всех органов власти, хозяйствующих субъектов, граждан посредством возбуждения уголовного преследования против виновных и опротестования противоречащих закону правовых актов (постановлений); б) надзор (непосредственное наблюдение) за деятельностью следственных органов по раскрытию преступлений, а также за деятельностью органов Государственного политического управления; в) поддержание обвинения в суде; г) наблюдение за правильностью содержания заключенных под стражу лиц. Таким образом, в 2017 г. исполняется еще и 95 лет со дня принятия первого правового акта о прокуратуре советского периода, ознаменовавшего возобновление деятельности российской прокуратуры и начало нового этапа ее исторического развития.

Органы прокуратуры по своему статусу входили в состав органов юстиции, а во главе всей прокурорской системы состояли в качестве Прокурора Республики Народный комиссар юстиции, в непосредственном подчинении которого находился центральный аппарат прокуратуры Республики — отдел прокуратуры НКЮ. Общесоюзного органа прокуратуры (Прокуратуры СССР) на тот момент не было. Однако 23 ноября 1923 г. учреждены должности Прокурора при Верховном Суде СССР, его заместителя и помощников.

Согласно Положению о прокурорском надзоре от 28 мая 1922 г. прокуратура имела статус централизованной системы органов с подчинением нижестоящих по статусу прокуроров вышестоящим. При этом губернские прокуроры местным властям не подчинялись, тем самым закономерно имея от них независимый статус.

20 июня 1933 г. постановлением ЦИК и СНК СССР была образована Прокуратура Союза ССР, а 17 декабря 1933 г. утверждено Положение о Прокуратуре Союза ССР³, которым упразднялась Прокуратура Верховного Суда СССР. Прокуратура СССР закономерно заняла руководящий статус над прокуратурами союзных республик. Согласно Положению о Прокуратуре СССР ука-

зания и распоряжения Прокурора СССР носили обязательный характер для всех органов прокуратуры. Однако отметим, что до 1936 г. органы прокуратуры союзных республик оставались в составе органов юстиции. С принятием Постановления ЦИК и СНК СССР «Об образовании Народного комиссариата юстиции Союза ССР» от 20 июля 1936 г. прокурорские органы союзных республик выделены из наркоматов юстиции союзных республик и перешли в исключительное ведение и непосредственное подчинение Прокурора Союза ССР. Этим процесс централизации органов прокуратуры был завершен.

В целом советский период деятельности органов прокуратуры характерен последовательным усилением статуса прокурорской системы и укреплением законодательной базы их деятельности. Так, в сравнении с современной нормативно-правовой основой статуса российской прокуратуры отдельного внимания заслуживает состояние конституционно-правового регулирования в те годы. В частности, в 1936 г. была принята Конституция СССР, которая содержала — что примечательно — отдельную главу о суде и прокуратуре. В 1937 г. на базе данной Конституции была принята Конституция РСФСР, которая во многом воспроизводила положения Конституции СССР, и в частности положения относительно прокуратуры, вопросы правового статуса которой нашли отражение в главе десятой Конституции РСФСР — «Суд и прокуратура». Прокурорский надзор здесь именовался как высший надзор. Принципиальным было положение о независимости прокуратуры от местных органов власти. Предусматривался порядок назначения прокуроров в статусе руководителей и закреплялся срок их полномочий.

Опыт конституционно-правового регулирования статуса прокуратуры получил развитие в последующие годы. Так, в структуру Конституции РСФСР 1978 г., воспроизводившей, в свою очередь, положения Конституции СССР 1977 г., была включена глава 22 — «Прокуратура» (ст. 176–179), которая являлась частью раздела IX («Правосудие и прокурорский надзор»). Предусматривался срок полномочий прокуроров в статусе руководителей органов прокуратуры. Закреплялось, что органы прокуратуры составляют единую систему и осуществляют

IX сессия от 28 мая 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 36. Ст. 424.

³ Советская прокуратура: сб. документов. М., 1981. С. 106–108.

свои полномочия независимо от каких бы то ни было местных органов, подчиняясь только Генеральному прокурору. Генеральный прокурор в соответствии с положениями Конституции обладал правом законодательной инициативы. В настоящее время, отметим, в Конституции Российской Федерации для Генерального прокурора РФ или прокуратуры в целом такое право, к сожалению, не предусмотрено. Равно в Конституции РФ не обозначено предназначение прокуратуры, не закреплены ее основные функции.

Таким образом, сравнивая Конституцию Российской Федерации, где о прокуратуре лишь одна специальная статья (ст. 129 в главе 7 о судебной власти и прокуратуре), с Конституциями СССР и РСФСР, весьма положительным и заслуживающим внимания является опыт конституционно-правового регулирования статуса российской прокуратуры в советский период ее развития, когда в конституциях предусматривался комплекс статей, специально посвященных регламентации вопросов организации и деятельности прокурорской системы, а в Конституции РСФСР 1978 г. объединенных даже в самостоятельную главу.

Наряду с конституционно-правовой основой действовали специальные правовые акты о прокуратуре. Так, 24 мая 1955 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено Положение о прокурорском надзоре в СССР. Данным положением статус прокуратуры регламентировался свыше 20 лет. Как и прежде, прокурорская система объявлялась централизованной во главе с Генеральным прокурором СССР. Провозглашался ее независимый статус.

Генеральный прокурор СССР и подчиненные ему по статусу прокуроры в соответствии со ст. 2 Положения о прокурорском надзоре в СССР были призваны «следить за правильным и единообразным применением законов... несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям», одновременно в ст. 4 Положения им предписывалось «своевременно принимать меры к устранению всяких нарушений законов, от кого бы эти нарушения ни исходили». В связи с этим Генеральному прокурору СССР и подчиненным ему прокурорам было предоставлено право (обязанность) опротестовывать всякое незаконное решение. Принесение прокурором

протеста на постановление, изданное уполномоченным на то органом, о привлечении кого-либо к административной ответственности приостанавливало исполнение административного взыскания до рассмотрения протеста соответствующим органом. Наряду с протестом в качестве меры реагирования на нарушение закона предусматривалось представление об устранении нарушений закона и причин, им способствующих. Прокуроры были вправе привлекать лиц, нарушивших закон, не только к уголовной и административной, но и к дисциплинарной ответственности. В четвертой главе Положения о прокурорском надзоре содержались нормы о надзоре за законностью и обоснованностью приговоров, решений, определений и постановлений судебных органов. В связи с этим Генеральному прокурору СССР и подчиненным ему прокурорам было предоставлено право истребовать из суда для проверки в порядке надзора любое гражданское или уголовное дело.

Пожалуй, впервые за всю историю законодательства о прокуратуре на высоком законодательном уровне (гл. VI Положения о прокуратуре) предусматривались требования относительно уровня образования прокурорского работника. По общему правилу прокурорский работник должен был иметь высшее юридическое образование. Однако в отдельных случаях с разрешения Генпрокурора СССР допускалось назначение лиц, не имеющих высшего юридического образования. Оканчивающие высшие юридические учебные заведения лица назначались на должности прокуроров и следователей лишь после прохождения ими годичной стажировки («годичного стажа») по должности следователя районной (городской) прокуратуры или помощника районного (городского) прокурора. Совместительство службы в органах прокуратуры с работой в других учреждениях, как и сейчас, не допускалось, за исключением научной и преподавательской деятельности.

Таким образом, в сравнении с более ранним законодательством о прокуратуре Положение о прокурорском надзоре в СССР 1955 г. детализировало регламентацию статуса органов прокуратуры и прокурорских работников. 14 декабря 1966 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР было утверждено Положение о военной прокуратуре

ре. Этим наметилась тенденция не только подробного правового регулирования организации и деятельности органов прокуратуры, но и усиления статуса прокурорской системы, наделения прокуроров новыми, не известными ранее истории российской прокуратуры полномочиями.

Важное значение на данном этапе развития нашей страны, что не могло не отразиться на деятельности прокуратуры, приобрели вопросы укрепления законности и государственной дисциплины, усилилась борьба с преступностью, где приоритетным направлением являлось ее предупреждение (особенно в молодежной среде). Оказывалось активное противодействие взяточничеству, а также проявлению местничества и бюрократизма в деятельности органов власти. Генеральный прокурор всеми средствами отстаивал процессуальную независимость прокуроров и следователей. Он в буквальном смысле слова бился за следствие, когда в 1970-е годы всесильный тогда министр внутренних дел Н.А. Щелоков поставил вопрос об изъятии всего следствия из органов прокуратуры⁴. Генеральному прокурору Р.А. Руденко удалось противостоять данной тенденции и удержать следствие в прокуратуре. Очевидно, это была непростая задача, особенно в свете состоявшегося в наши дни (начиная с 2007 г. с образованием Следственного комитета при прокуратуре РФ) отделения следственного аппарата от прокуратуры и создания Следственного комитета РФ как самостоятельного ведомства.

В развитие положений Конституции СССР 1977 г., согласно которым предусматривалось, что организация и порядок деятельности органов прокуратуры определяются Законом о прокуратуре СССР, Верховным Советом СССР 30 ноября 1979 г. такой закон был принят. В соответствии с ним в числе функций прокуратуры предусматривались координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями и иными правонарушениями, участие в совершенствовании законодательства и пропаганде советских законов и др. В отличие от ранее действовавшего Положения о прокурорском надзоре СССР 1955 г. Закон о прокуратуре СССР

1979 г. четко определил полномочия прокуроров по отдельным отраслям прокурорско-надзорной деятельности. В законе содержалась отдельная статья, посвященная регламентации статуса следователей прокуратуры. Генеральный прокурор СССР, Главный военный прокурор, прокурор союзной республики и их заместители были вправе приостанавливать исполнение опротестованного приговора, определения и постановления суда по уголовному делу до разрешения дела в порядке надзора. Принесение прокурором протеста на иные акты, нарушающие права и свободы граждан, автоматически влекло приостановление действия такого акта до рассмотрения протеста. Требования прокурора об устранении выявленных им нарушений, причин и условий, способствующих их совершению, носили обязательный для исполнения характер. Согласно ст. 47 анализируемого закона возбуждение и расследование уголовных дел в отношении прокуроров и следователей прокуратуры являлись исключительной компетенцией прокуратуры и производились не иначе как с согласия органа, назначившего этих лиц на должность.

В целом Закон СССР о прокуратуре СССР от 30 ноября 1979 г. включал в себя 4 раздела (I — общие положения, II — система органов прокуратуры и их организация, III — прокурорский надзор, IV — иные вопросы организации и деятельности органов прокуратуры). Третий раздел состоял еще и из глав: глава 1 — надзор за исполнением законов органами государственного управления, предприятиями, учреждениями, организациями, должностными лицами и гражданами (общий надзор); глава 2 — надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия; глава 3 — надзор за исполнением законов при рассмотрении дел в судах; глава 4 — надзор за соблюдением законов в местах содержания задержанных, в местах предварительного заключения, при исполнении наказаний и иных мер принудительного характера, назначаемых судом.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 июня 1987 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР «О прокуратуре СССР» были предусмотрены такие акты прокурорского реагирования, как предписание и предостережение.

⁴ См.: Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Неизвестная Фемида. Документы, события, люди. М., 2003. С. 377.

В 1991 г. с распадом СССР Прокуратура Союза ССР закономерно прекратила свою деятельность и утратила руководящий статус над республиканскими прокуратурами, в том числе Прокуратурой РСФСР. Все действовавшие на тот момент на территории РСФСР органы прокуратуры были объединены в единую систему прокурорских органов во главе с Генеральным прокурором РСФСР. В 1992 г. принят Закон Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации», в соответ-

ствии с положениями которого функционирует российская прокуратура в настоящее время и ведется отсчет теперь уже современного этапа ее исторического развития.

Литература

1. Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. Неизвестная Фемида. Документы, события, люди. М., 2003.
2. Ленин В. И. ПСС. Т. 45.
3. Советская прокуратура : сб. документов. М., 1981.

К вопросу о коррупции в Верховном суде СССР в конце 1940-х — начале 1950-х годов

*Шкаревский Денис Николаевич,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Института государства и права
Сургутского государственного университета,
кандидат исторических наук
shkarden@mail.ru*

В статье автор анализирует состояние борьбы с коррупцией в советской судебной системе в середине XX в. На основе новых, ранее не опубликованных документов автор делает вывод о том, что руководство Верховного суда СССР было замешано в коррупции, поэтому борьба с этим явлением не приносила положительных результатов.

Ключевые слова: судебная система СССР, борьба с коррупцией.

Revisiting the Corruption in the USSR Supreme Court in the late 1940's — early 1950's

*Shkarevsky Denis N.,
Assistant Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Institute of State and Law of the Surgut State University,
Candidate of Historical Sciences*

The author analyzes the state of the fight against corruption in the Soviet judicial system in the middle of the XX century. On the basis of new, previously unpublished documents, the author concludes that the leadership of the Supreme Court of the USSR was involved in corruption, so the fight against this phenomenon did not bring positive results.

Key words: judicial system of the USSR, the fight against corruption.

Отдельные вопросы борьбы с коррупцией нередко поднимаются в современной науке [9]. Однако, как справедливо заметил В.В. Лунев: «Власти не только с большой неохотой отдают «своих» коррупционеров правосудию, но и не желают обнародования статистических показателей. Аналогичная практика была еще в СССР» [7].

До недавнего времени считалась общепризнанной точка зрения, согласно которой «только расследование в середине 80-х гг. XX века громких уголовных дел в отношении партийной и советской элиты (так называемые узбекское, чурбановское дела, дело в отношении руководства Мосторга и т.п.) вызвало понимание того, что этот феномен (коррупции. — Д.Ш.) также присущ советско-

му государству. Одно из первых официальных признаний наличия в Советском Союзе проявлений коррупции прозвучало в постановлении Съезда народных депутатов СССР № 976-1 от 23 декабря 1989 г. «Об усилении борьбы с организованной преступностью» [8].

Однако новые исследования показали, что только в 1948–1949 гг., когда сталинская вертикаль власти, казалось, была на пике своего могущества, в СССР прошло 3 закрытых судебных процесса по коррупции. Прокуратура вскрыла «многочисленные факты взяточничества, злоупотреблений, сращивания с преступными элементами и вынесения неправосудных приговоров и решений в судебных органах Москвы, Киева, Краснодара и Уфы» [5].

Из доклада прокурора СССР Г. Сафонова следовало, что вся советская судебная система поражена коррупцией: «Расследованием установлено, что эти преступления совершались в различных звеньях судебной системы, а именно в народных судах, Московском городском суде, Киевском областном суде, Краснодарском краевом суде, Верховном Суде РСФСР и в Верховном Суде СССР...» [5]

По делу Мосгорсуда арестована группа бывших членов Мосгорсуда, а именно: Гуторкина, Обухов, Праушкина и Чурсина, которая в течение последних двух лет являлась членом Верховного суда СССР, а также народные судьи Короткая, Бурмистрова и Александрова. Кроме того, арестован бывший председатель Московского городского суда Васнев. Как установлено следствием, все эти лица систематически, на протяжении нескольких лет, получали взятки по судебным делам, а также совершали всякого рода злоупотребления, причем были связаны между собой в своей преступной деятельности [1].

В докладе Сафонова указывалось: «Бывший заместитель председателя Верховного суда СССР по общим вопросам Солодилов получал взятки от адвоката Радчик... От нее по судебным делам Островской, Таранова, Кузнецова и др. Солодилов получил в виде взяток 22 000 рублей...»

В своей преступной деятельности Солодилов, помимо Радчик, был также связан со старшим консультантом Верховного суда СССР Сафроновой, арестованной Прокуратурой СССР. На квартире Сафроновой Солодилов вступил в половую связь с некоей

обратившейся к нему на приеме с жалобой Ремизовой, состоящей под судом за мошенничество, с торговым работником Шашиной, имевшей судебное гражданское дело, и целым рядом других женщин. Сафронова по этому вопросу показала: «Солодилов, будучи знаком с моим мужем, во время болезни мужа и после его смерти избрал мою квартиру для встреч со многими женщинами. Из сотрудниц Верховного суда СССР он встречался у меня с Шашиной, Денисовой. Кроме того, Солодилов встречался с некоторыми женщинами, которых я не знаю, но помню следующие имена: Берта, Зина, Катя. Разных женщин бывало с ним человек 15, не меньше».

Помимо Радчик и Сафроновой Солодилов был связан в своей преступной деятельности с бывшим сотрудником АФУ Верховного суда СССР Володарчик, в прошлом дважды судившимся. Володарчик занимался добыванием разных материалов для строительства дачи Солодилова, причем получал эти материалы без нарядов, а иногда и бесплатно через работников хозяйственных организаций, дела на которых проходили в Верховном суде СССР. В связи с настоящим делом последовало отстранение Солодилова от должности, после чего он, поняв неизбежность полного разоблачения совершенных им преступлений, застрелился у себя на квартире.

Помимо Солодилова и Сафроновой вскрыта преступная деятельность и других работников Верховного суда СССР, также арестованных по этому делу, — начальника отдела судебного надзора Уманской, помощника председателя Верховного суда СССР полковника Кудрявцева, старшего референта Ивановской и референта Шапошникова» [6].

В результате появилась версия, согласно которой: «В августе 1948 г. решением Политбюро были отстранены от работы 7 членов Верховного суда СССР, включая председателя высшего судебного органа страны И. Голякова и его зама В. Ульриха. Одной из причин послужили факты злоупотреблений служебным положением некоторыми членами Верховного суда СССР и работниками его аппарата, которые за взятки снижали меры наказания и освобождали преступников. В судебной и правоохранительной системе главными посредниками в передаче взяток от подсудимых были адвокаты» [6].

Однако остался вопрос: почему за действия своих сотрудников поплатился карьерой и руководитель Верховного суда СССР И.Т. Голяков? Можно ли это рассматривать как реализацию принципа коллективной ответственности? Обнаруженные автором документы позволяют утверждать, что это не так.

Пришедший на смену И.Т. Голякова А.А. Волин доложил Г.М. Маленкову, что в августе 1951 г. Верховный суд СССР рассмотрел дело группы взяточдателей и их посредников, в числе которых была инженер МПС СССР Величко Е.М., которая передавала взятки Кудрявцеву Л.Н. (помощнику председателя Верховного суда СССР И.Т. Голякова).

Величко Е.М. в закрытом судебном заседании указала, что кроме Кудрявцева Л.Н. она была связана с И.Т. Голяковым. За пересмотр 3 дел она передала И.Т. Голякову 60 тыс. руб. Из этой суммы она получила от него за посредничество 15 тыс. руб.

По ее словам, она познакомилась с И.Т. Голяковым и вступила с ним в интимную связь в санатории «Барвиха» летом 1946 г. с целью пересмотра дел Эйхгорн (за 25 тыс. руб.), Баркан, Иоффе (за 20 тыс. руб.) и дела о спекуляции патефонными пластинками и иглками (15 тыс. руб.) [2]. Причем Л.Н. Кудрявцев познакомил и привез ее в Барвиху к И.Т. Голякову. При этом он называл И.Т. Голякова «своим хозяином» [3].

Величко Е.М. показала: «О том, что в Верховном суде застрелился Солодилов, мне говорил Л.Н. Кудрявцев и И.Т. Голяков. При этом кто-то из них заявил: «Бояться нечего, т.к. в таком хаосе, который царит в Верховном суде СССР, никто не разберется». И.Т. Голяков сказал после убийства Со-

лодилова: «Нас это не волнует, ибо со смертью Солодилова все уйдет в неизвестность, как на дно морское. Все теперь можно свалить на Солодилова»... Л.Н. Кудрявцев брал часто, но не большие деньги (3–5 тыс. руб.), а И.Т. Голяков — редко, один раз в полгода, но брал большие деньги (более 20 тыс. руб.)» [4].

Таким образом, даже руководство Верховного суда СССР было замешано в получении взяток с целью пересмотра судебных решений нижестоящих судебных органов. Поэтому не удивительно, что борьба с коррупцией в СССР более напоминала сражение с ветряными мельницами.

Литература

1. Боровой А., Ильина О. Коррупция в СССР: 7 громких уголовных дел. URL: <http://pasmi.ru/archive/95250>
2. ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 396. Л. 2
3. ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 396. Л. 46.
4. ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 396. Л. 50.
5. Герчиков О. История коррупции в СССР. URL: <http://vlasti.biz/bor-ba-s-korruptsciei/istoriya-korruptscii-v-rossii/istoriya-korruptscii-v-sssr.html>
6. Жирнов Е. Преступная деятельность судебных работников // Коммерсантъ Власть. 2009. № 45. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1269865>
7. Лунев В.В. Преступность XX в. Мировой криминологический анализ. М., 1997. С. 268
8. Максимов В.К. Понятие коррупции в международном и российском праве // Право и безопасность. 2002. № 2–3. URL: http://dpr.ru/pravo/pravo_3_17.htm#1
9. Петров Ю.И. Причины и характер злоупотреблений властью в России в XIX столетии // История государства и права. 2016. № 7. С. 13–16; СМИ как средство противодействия коррупции // Прокурор. 2016. № 1. С. 53–56.

О советском опыте и современных проблемах исследования правопорядка

*Свинин Евгений Валерьевич,
заместитель начальника кафедры
государственно-правовых дисциплин
Вологодского института права и экономики ФСИН России,
кандидат юридических наук, доцент
evsvinin@yandex.ru*

В статье анализируется опыт научного исследования категории «правопорядок» в советский период. Отмечается, что советские ученые определили основные черты современного догматического восприятия правопорядка, а также сформулировали положения, способствующие пониманию его контекстуальной природы. На современном этапе эффективность исследования правопорядка зависит от преодоления отдельных догматических утверждений и формирования концепции поликонтекстуальности правопорядка.

Ключевые слова: право, правопорядок, законность, цель, средство, результат правового регулирования, правоотношения.

Soviet Experience and Modern Issues of Study of Law and Order

*Svinin Evgeny V.,
Deputy Head of the Department
of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics
of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor*

The article analyzes the experience of scientific study of category "law and order" in the soviet period. It is noted that the soviet scientists identified the main features of the modern dogmatic perception of the law and order, as well as formulated provisions that would enhance understanding of its contextual nature. At present the efficiency of the study of law and order depends on overcoming certain dogmatic assertions and forming the concept of polycontextuality of law and order.

Key words: law, law and order, legality, the purpose, the means, the result of the legal regulation, legal relationship.

В настоящее время сложно утверждать о существовании единой и непротиворечивой теории правопорядка. В современной юридической литературе можно найти немало работ самого разного уровня, в которых прямо либо косвенно затрагивается правопорядок. Однако во многих случаях в позициях ученых преобладают догматические воззрения, сформулированные еще в советский период.

Следует отметить, что в проблематике правопорядка встречаются оригинальные авторские подходы, интересные и смелые решения. Вместе с тем ученые зачастую характеризуют лишь отдельные стороны этого явления и упускают из вида необходимость формирования целостной теории, которая могла бы быть ориентиром как в вопросах дальнейших научных исследований, так и в вопросах совершенствования юридической практики.

Обращение к советскому опыту исследования правопорядка имеет большое значение,

поскольку позволяет раскрыть истоки догматического восприятия категории, а также реанимировать ряд идей, сформулированных советскими учеными, но, к сожалению, не получивших своего дальнейшего развития.

В советской период непосредственно вопросам правопорядка посвящен довольно ограниченный круг монографических работ. Предметом научного анализа категория «правовой порядок» становится в 60-х годах XX в. в работах Г.С. Котляревского, Л.С. Явича, М.С. Строговича. Однако утверждение категории в понятийных рядах и комплексное исследование проблемы происходит лишь в середине 70-х годов благодаря усилиям таких ученых, как А.М. Васильев, В.В. Борисов, О.Ф. Мурометс, Т.М. Шамба.

Начальный этап исследования правопорядка тесно связан с понятием «законность». В научной и учебной литературе того времени отчетливо видно, что правопорядок используется

в самой тесной связи с законностью. При этом исследование законности как принципа неизбежно заставляло ученых обращать внимание на результаты реализации этой основополагающей идеи. В литературе 60–70-х годов XX в. понятие «законность как режим» практически не встречается. Образовавшуюся нишу и занимает категория «правопорядок». Формируется довольно простое и понятное соотношение категорий: если законность — это правовой принцип, то правопорядок — это результат реализации принципа законности.

К примеру, Г.С. Котляревский отмечал, что законность — это принцип неуклонного исполнения законов, а правопорядок — это результат реализации принципа. Правопорядок складывается тогда, когда юридические факты порождают для конкретных субъектов права и обязанности и субъекты соотносят свое поведение с этими правами и обязанностями¹.

Простота и удобство восприятия категорий являются благодатной почвой для формирования догмы. В науке на длительный период времени появляется представление о том, что правопорядок — это результат реализации законности, а укрепление правопорядка есть укрепление и обеспечение законности. Отметим, что, на наш взгляд, не всегда высокий уровень законности способствует укреплению правопорядка. В сфере взаимодействия законности и правопорядка можно увидеть не только их единство, но и противоречие.

Нельзя утверждать, что в советский период правопорядок воспринимался только как результат реализации законности. В научных работах отчетливо прослеживается стремление ученых найти собственное содержание правопорядка. В этих поисках оформились два подхода. Сторонники первого (С.С. Алексеев, Г.С. Котляревский) исходят из понимания правового порядка как согласованности и упорядоченности системы общественных отношений, сторонники второго утверждают, что правопорядок — это порядок в системе правовых отношений (В.В. Борисов, Т.М. Шамба).

Концептуальное различие подходов, к сожалению, не получило своего полноценного системного осмысления. Причем на уровне определений полярность подходов была существенно сглажена тем, что ученые в конечном счете состояние правопорядка связывали с состоянием законности.

К примеру, С.С. Алексеев отмечал, что состояние фактических отношений выражает реальное, практическое осуществление требований законности². По мнению В.В. Борисова, состояние социальной жизни характеризуется согласованностью и урегулированностью правовых отношений, которые основаны на нормативных требованиях, принципах права и законности³.

На наш взгляд, указанные подходы к правопорядку не противоречат друг другу, поскольку подчеркивают его различные стороны. Так, анализируя правовой порядок как согласованность правоотношений, необходимо акцентировать внимание на формальных сторонах действия права. Правоотношения можно рассматривать в качестве специфической формы проявления правопорядка, поскольку они характеризуют определенный алгоритм (порядок) поведения субъектов права и направлены на удовлетворение их социальных интересов. Вместе с тем сводить правопорядок только к системе правоотношений недопустимо, поскольку этот подход не отражает социальную сторону действия права. Ярким свидетельством может служить тот факт, что не все правоотношения в равной степени полезны для общества. К примеру, негативное значение имеют правоотношения, связанные с разводами, массовыми увольнениями, банкротствами и так далее.

Правопорядок как система правоотношений должен рассматриваться сквозь призму социальных целей правового регулирования. И в этом отношении весьма интересным и перспективным является анализ правопорядка как порядка в фактических общественных отношениях. Из этого понимания следует важный вывод: состояние правопорядка влияет на качество социальной жизни. Последовательно развивая мысль, можно прийти к довольно оригинальным выводам и обобщениям. Обратим внимание на некоторые рассуждения одного из советских ученых.

Г.С. Котляревский анализирует правопорядок как средство установления и закрепления социалистической системы. Основные черты социалистического правопорядка состоят в следующем: средство закрепления и развития

¹ См.: Котляревский Г.С. Социалистический правопорядок : учеб. пособие. М., 1962. С. 9.

² См.: Проблемы теории государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М., 1979. С. 321.

³ См.: Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. Вопросы теории : монография. Саратов, 1977. С. 56.

социалистических производственных отношений; обеспечивает полномочия трудящихся города и деревни; обеспечивает охрану социалистической собственности; оберегает жизнь, здоровье и личную собственность граждан; способствует осуществлению принципа материальной заинтересованности граждан и их объединений в повышении производительности труда; обеспечивает равноправие наций и граждан; обеспечивает использование гражданами демократических прав и свобод⁴.

Считаем, что эта идея в своей сущностной основе верна. В обществе и государстве могут устанавливаться самые различные системы: социалистические, буржуазные, либеральные, авторитарные, теократические и прочие, — средством же их установления служит правовой порядок. Рассматривая механизм действия права в целом, можно сказать, что правовой порядок выступает как итог (социальный и юридический) правового регулирования, и в этом смысле социально-политические системы оказываются частью правового порядка.

В более позднем учебном издании, вышедшем в 1980-е годы, Г.С. Котляревский прямо указывает, что правовой порядок — это результат, социальный итог правового регулирования; именно к нему стремится законодатель, создавая нормы права⁵. На наш взгляд, верная мысль. Хочется отметить, что понятие «итог правового регулирования» гораздо шире понятия «законность».

К заслугам советского периода исследования правового порядка следует отнести то, что учеными были сделаны первые шаги в понимании социальной стороны правового порядка. В этом отношении весьма интересны рассуждения В.В. Борисова о взаимодействии политики и правового порядка. Так, ученый пишет, что политический характер правового порядка заключается в том, что он выражает и оформляет потребности экономического развития⁶.

Стоит задуматься, что если правовой порядок «выражает и оформляет потребности экономического развития» (да, кстати, и не только экономического), то показателем уровня правового порядка будут служить степень и уровень его пригодности удовлетворять экономические по-

требности. Иными словами, индикатор правового порядка лежит не в юридической плоскости, а в сфере экономики. Естественно, это не должно трактоваться как умаление юридической стороны правового порядка, однако сама по себе система правоотношений не в состоянии раскрыть все характеристики правового порядка. В нем сочетаются как юридические, так и социальные стороны.

Еще одной заслугой советских правоведов является обоснование телеолого-инструментального характера правового порядка, т.е. интерпретации его в качестве цели и средства правового регулирования. В частности, В.В. Борисов артикулирует эту идею следующим образом.

Категория «цель» в правовом порядке имеет двойное значение. Во-первых, сам правовой порядок выступает как цель правовой деятельности государства, общественных организаций, граждан. Во-вторых, правовой порядок выступает как важнейшее средство достижения поставленной социальной цели⁷.

Обратим внимание на следующее обстоятельство. Трактовка правового порядка как цели и средства создает определенные предпосылки для отождествления права и правового порядка. Цель — это идеальный образ желаемого результата, учитывая, что нормы права являются моделью общественного отношения, то правовой порядок выступает представлением об идеальном состоянии отношений, урегулированных правом. Средство — все то, что служит достижению цели. В нашем случае достижению «идеального» состояния общественных отношений (правовой порядок как цель) служит система юридических норм (правовой порядок как средство).

В завершение анализа советского опыта исследования правового порядка обратим внимание еще на одну идею. А.М. Васильев отметил недопустимость определять категорию «правовой порядок» как производную от категории «законность». В частности, ученый писал, что, несомненно, зависимость между состоянием законности и правового порядка является одной из важнейших характеристик последнего. Думается, однако, это еще не означает, что понятие правового порядка нужно считать производным от категории законности. Такая логическая зависимость дает представление об условиях существования и упрочения правового порядка, но не выражает его сути как порядка общественных отношений, сформировавшегося под правовым воздействием. Теоретическая нагрузка,

⁴ См.: Котляревский Г.С. Указ. соч. С. 23–25.

⁵ См.: Теория государства и права : учебник / под ред. А.М. Васильева. 2-е изд. М., 1983. С. 377.

⁶ См.: Борисов В.В. Социалистическая законность и правовой порядок советского общества. Саратов, 1962. С. 65.

⁷ См.: Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. Вопросы теории. С. 244.

которую она несет, будучи категорией основного понятийного ряда, состоит в том, что ею выражаются как социальные цели, так и объективный итог правового регулирования. Значение категории «правопорядок» определяется тем, что с ее помощью обобщаются и выражаются социальные итоги правового регулирования⁸.

Обобщенно оценивая советский опыт исследования правопорядка, следует заключить, что в этот период определены основные черты догматического восприятия правопорядка, а также высказаны идеи, которые могут служить ориентиром для разработки широкого подхода к правопорядку.

В российской науке постсоветского периода наблюдается всплеск научного интереса к проблематике правового порядка. При этом, если еще в 90-е годы XX в. внимание к категории было не столь велико, то в начале XXI в. общее количество монографических работ (в том числе диссертаций на соискание ученой степени доктора или кандидата наук) исчисляется не одним десятком.

В настоящее время правовой порядок исследуется как самостоятельное явление на уровне докторских и кандидатских диссертаций; существуют многочисленные работы, в которых правопорядок анализируется в связи с другими общетеоретическими и отраслевыми проблемами; правопорядку посвящены и ряд философских исследований.

Однако несмотря на обилие научных исследований, ряд важных проблем так и не получили своего всестороннего и окончательного решения. Постараемся перечислить некоторые из них.

В настоящее время нет единства в понимании сущности правопорядка. По-прежнему зачастую догматически рассматривается вопрос о соотношении законности и правопорядка. Вследствие этого правопорядок воспринимается как «необходимый придаток» законности. Размывается содержание правопорядка. Формируется образ единого понятия «законность-правопорядок». Не разработана структура правопорядка. Отсутствует система критериев и показателей оценки уровня правопорядка, поэтому нет достоверной информация о динамике его уровня. В этой связи вполне закономерно, что категория «правопорядок» не вы-

полняет своей методологической роли в сфере юридической практики. Потенциал ее практического использования не востребован. Необоснованная критика нормативизма приводит к стремлению использовать широкий подход к правопониманию в решении этой проблемы, что выражается в разработке такого понятия, как «гражданский правопорядок». Появление «понятий-близнецов» (правопорядок — гражданский правопорядок), на наш взгляд, лишь усиливает неопределенность этой научной проблемы и отдаляет ее успешное решение.

Указанный круг проблем требует своего решения и свидетельствует об отсутствии единой теории правопорядка. Полагаем, что необходимо обратить пристальное внимание на поликонтекстуальную природу правопорядка, которая может проявлять себя в трех аспектах: системе действующих правовых норм, порядке их реализации, социальных и юридических результатах их действия. Нетрудно заметить, что указанные аспекты правопорядка характеризуют различные этапы действия права в целом. Подобная логика вполне допустима и оправдана для исследования сущности понятия. Так, достаточно вспомнить, что, к примеру, понятие «законность» воспринимается как «принцип», «метод» и «режим» правовой жизни. Проводя условную аналогию, правопорядок может рассматриваться, как «норма», «процесс» и «результат». Терминологическая оболочка этих аспектов правопорядка заслуживает отдельного рассмотрения, возможно, в будущем будут предложены более удачные термины. Однако, на наш взгляд, правопорядок важно рассматривать в единстве и взаимодействии различных форм проявления. Это позволит преодолеть недостатки существующих подходов, синтезировав их в рамках единой теории правопорядка.

Литература

1. Борисов В.В. Социалистическая законность и правопорядок советского общества. Саратов, 1962. 67 с.
2. Борисов В.В. Правовой порядок развитого социализма. Вопросы теории. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1977. 408 с.
3. Васильев А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М. : Юрид. лит., 1976. 264 с.
4. Котляревский Г.С. Социалистический правопорядок : учеб. пособие. М., 1962.
5. Проблемы теории государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М. : Юрид. лит., 1979. 392 с.
6. Теория государства и права : учебник / под ред. А.М. Васильева. 2-е изд. М. : Юрид. лит., 1983. 416 с.

⁸ См.: Васильев А.М. Правовые категории: Методологические аспекты разработки системы категорий теории права. М., 1976. С. 180–181.